

Toronto Slavic Quarterly

No 41

Summer 2012

EDITOR:
Zahar Davydov

Department of Slavic Languages and Literatures, University of Toronto
2012

- EDITORS: Zahar Davydov (University of Toronto)
- Editorial Board: Kenneth Lantz (University of Toronto)
Veronika Ambros (Czech)
Ralph Bogert (Croatian & Serbian)
Taras Koznarsky (Ukrainian)
Vadim Perelmuter (Russian)
Tamara Trojanowska (Polish)
Georgii Vasilev (Bulgarian)
- Consultants: Nikolai Bogomolov (Moscow State University)
Jean Breuillard (Paris)
Andrew Donskov (University of Ottawa)
Nikolai Kotrelev (Russian Academy of Science, Moscow)
Jean-Claude Lanne (Université Jean Moulin, Lyon)
Alexandr Lavrov (Russian Literature Institute
"Pushkinskii House", St.Petersburg)
Ralph Lindheim (University of Toronto)
John Malmstad (Harvard University)
Lev Mnuhin (Moscow)
Miron Petrovskii (Kyiv)
Barry Sherr (Dartmouth College)
Pavel Sigalov (University of Wyoming)
Mark Sokoliansky (Lubeck)
Boris Thomson (University of Toronto)
Roman Timenchik (Hebrew University, Jerusalem)
Aleksandr Zholkovskii (University of Southern California)
- Design: Andrey Nikitin-Perensky (<http://imwerden.de>
<http://vtoraya-literatura.com>)

Toronto Slavic Quarterly is published by the Department
of Slavic Languages and Literatures, University of Toronto.

Correspondence should be addressed to: The Editors, *Toronto Slavic Quarterly*
121 St. Joseph Street, Toronto, Ontario, Canada, M5S 1J4.
Email: zahar.davydov@utoronto.ca

© Department of Slavic Languages and Literatures, University of Toronto, 2012

<http://www.utoronto.ca/tsq/>

ISSN 1925-2978

CONTENTS

CULTURE

- Zeev Bar-Sella
Кровавый подбой (Читая Тынянова...).....7
- Ioanna Delektorskaia
«Имея план, нужно уметь от него отвлекаться, где надо...»
(Андрей Белый в работе над «Мастерством Гоголя»).....21
- Violetta Gudkova
Вслед Островскому. Ранняя отечественная драматургия:
Там, где «русское» встречалось с «советским».....35
- Evgenii Soshkin
Фекла Савишна и другие
К прочтению «Неотвязной мысли» Бенедиктова.....54
- Nikolai Volskii
Об одной идее О. М. Брига..... 58
- Oleg Zaslavskii
Отпечаток (О стихотворении
О. Мандельштама «Дайте Тютчеву стрекозу...»).....74

ARCHIVE

- Valery Petroff
История Невольного переуллка:
к рассказу С. Д. Кржижановского..... 85

Sigizmund Krzhizhanovsky
Невольный переуллок
(пачка писем — от одного лица разным адресатам)
Подготовка текста к публикации и примечания В. В. Петрова.....103

«Транхопс» и около (по архиву М. Л. Лозинского)
Часть III. Публикация И. В. Платоновой-Лозинской.
Сопроводительный текст, подготовка и примеч. А. Г. Меца.....129

Leonid Livak
“A Thankless Occupation”:
James Joyce and His Translator Ludmila Savitzky..... 138

«...Россия — это мое». Письма Андрея Соболя
Владимиру Лидину (1916—1926). Публикация, подготовка
текста, вступительная статья и примечания В. Хазана..... 169

MILESTONES

Mark Sokolyansky
Слово о журнале и его создателе (юбилейное).....321

Polina Poberezkina
Славистика на страницах альманаха «Егупец». Часть 2.....327

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Larisa Alekseeva
Цвет винограда.
О Юлии Оболенской и Константине Кандаурове.....339

ANNOUNCEMENT

Viktor Marinchak
Жанрологический проект Марка Соколянского367

Authors..... 379

Валерий Петров
История Невольного переулка:
к рассказу С. Д. Кржижановского

По неизвестным причинам рассказ С. Д. Кржижановского «Невольный переулочок» не попал в корпус рукописей и документов, которые А. Г. Бовшек, вдова писателя, передала в 1965 г. в ЦГАЛИ. Нет его и в материалах, которые она забрала с собой, уехав через год из Москвы в Одессу (ныне они образуют фонд Кржижановского в Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства Украины). В. Г. Перельмутер неоднократно указывал на необъяснимое отсутствие «Невольного переулочка»¹. Как удалось выяснить, копия машинописного текста рассказа поступила в РГАЛИ — много позже основного корпуса сочинений — из Центрального архива ФСБ России. По акту от 19.09.1995 г. были переданы материалы из некоего дела — всего 15 единиц хранения, из которых 14 ед. хр. составляли сочинения Н. А. Клюева, и 1 ед. хр. — рассказ С. Д. Кржижановского «Невольный переулочок».

Преобладание текстов Клюева позволяет предположить, что переданные материалы извлечены из некоего следственного дела, связанного со вторым арестом поэта (он был арестован 02.02.1934 г. по обвинению в «составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений»

© Valery Petroff, 2012

© TSQ 41. Summer 2012 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

Сочинения С. Д. Кржижановского цитируются по изданию: Сигизмунд Кржижановский. Собрание сочинений в 6 томах. ТТ. 1—5 (СПб.: Symposium, М.: b.s.g.-press, 2001—2010), т. 6 — в печати.

¹ См. Перельмутер В. Г. СС Т. 5, С. 517; С. 606.

и расстрелян в 1937 г.²). Но каким образом в это «дело» попал рассказ С. Кржижановского? И почему он отсутствует в материалах, поступивших в московский и киевский архивы от самой А. Г. Бовшек (сохранила же она неподцензурный «Красный снег»)?

Экземпляр «Невольного переулка», находящийся ныне в РГАЛИ, представляет собой фотокопию со сделанного на стеклографе оттиска, воспроизводящего сброшюрованный машинописный текст: на всех листах у левого края видна линия переплета, от которой снизу, влево и право, отходят дуги страниц. Таким образом, рассказ составляет часть некоего хранящегося в архиве ФСБ досье, занимая в нем стр. 105—119 (размашисто пронумерованы карандашом). Впрочем, исходно машинопись представляла собой независимую единицу: титульный лист и последующие 14 страниц рассказа имеют отдельную пагинацию (номера страниц от 2 до 14 набиты машинисткой при печати, титул и первая страница без номера). На титульном листе: «С. Кржижановский. Невольный переулок. 31 / VIII—33 г.»

Известно, что особенностью писательской техники С. Д. Кржижановского являлась привычка надиктовывать свои

² Следствие под делу Клюева вел Н. Х. Шиваров, специализировавшийся на работе с писателями (см. *НЕРЛЕР П.* Слово и „Дело“ Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений». М.: Петровский парк, 2010). В 1920-е Шиваров собирал досье на М. Горького, позднее разрабатывал А. Платонова, Н. Эрдмана (1933), вел дела О. Мандельштама (1934), П. Васильева (1935), Б. Пильняка (1937), И. Поступальского (проходившего по одному делу с В. Нарбутом в 1936 г.). Жил Шиваров неподалеку от Кржижановского: на Арбате 49, кв. 2. С писателями он общался не только по службе: приятельствовал с Фадеевым и Павленко, был вхож в семьи Луговских, Слонимских, Катанянов. В 1937 г. его самого арестовали: как «перебежчик-шпион» он получил пять лет лагерей. На одном из его писем к Катаньянам, доставленном из неволи в 1940 г. некоей женщиной, значился адрес: «Второй переулок налево, второй дом от угла, войти во двор, направо в углу подъезда, 6 этаж, налево в углу дверь» (посыльной следовало лишь помнить, что речь идет об Арбате). По иронии судьбы адрес весьма напоминает таковые на письмах из «Невольного переулка». Если рассказ действительно находился в материалах дела Клюева, то Шиваров читал его в 1934 г.

сочинения машинистке (отчасти с этим связано практически полное отсутствие рукописных материалов в его архиве), после чего автор правил машинопись от руки. Как была изготовлена машинопись «Невольного переулка»? С художественной точки зрения рассказ закончен, однако, сохранившаяся рукопись далека от совершенства: содержит погрешности и автором не вычитана (к примеру, не устранены опечатки: «ни на ндиный грамм», «рюмке за рюмкой», «человек не марке», «поднянитесь»).

Очевидно, что автором этот экземпляр не только не правлен, но и не вычитан. Кроме явных опечаток, первое и второе «письма» слились в машинописи воедино, так что у второго письма потерял порядковый номер, а его адрес стал частью общего текста (тогда как в других письмах адреса визуально выделены пустой строкой, а иногда и разрядкой). Кроме того, в машинописи сохраняются характерные для Кржижановского орфографические особенности, которые, возможно, были бы утрачены при записи с голоса («итти», «почталион», «и так», написание двухзначных чисел цифрами), ненормативное отсутствие дефисов («по моему», «какое то», «какнибудь») или, напротив, их наличие («на полпь-янии», «тот-же», «тот-час»), особенности пунктуации (отсутствие вопросительных знаков, непарное число кавычек).

Впрочем, не исключено, что автор при работе машинистки не присутствовал, и она работала с предоставленным ей текстом, либо машинописью с авторской правкой, либо, что менее вероятно, рукописным. Так, в некоторых случаях она не сумела понять неудобочитаемый почерк Кржижановского, в результате чего в тексте имеются такие слова, как «слодившись» и «телевке». Еще в одном месте машинистка, видимо, не смогла разобрать густую авторскую правку, что привело к синтаксическим нестыковкам («когда тьма перевалит через зенит сотен окон вашего нелепого, облого дома потухнет...», «и в сне в яве»).

Как объяснить бросающееся в глаза отсутствие авторской вычитки? Ранее мы предположили, что текст «Невольного

переулкa» мог быть перепечатан самой А. Г. Бовшек (или по её поручению) уже после смерти С. Д. Кржижановского³. Она же могла проставить на титуле точную дату, сверившись с письмом от 30.08.1933, которое Кржижановский адресовал ей много лет назад: «Написал еще три рассказа — „Окно“, „Гулливёр ищет работы“ и „Невольный переулк“ (последний еще не вполне закончен — он довольно длинный)». Несмотря на слова автора о незавершенности рассказа, А. Г. могла решить, что читателям лучше иметь хотя бы какой-то хронологический ориентир, и датировала рассказ следующим днем, указав на титуле: 31.08.1933.

Обнаружение того обстоятельства, что машинопись рассказа могла попасть в материалы следственного дела Н. А. Клюева от 1934 г., вносит существенные коррективы в предполагаемую историю рукописи, закрывая одни возможности, но порождая новые вопросы. Скорее всего, имеющийся в нашем распоряжении экземпляр — не окончательный, но близкий к завершению вариант «Невольного переулка». Маловероятно, что сам автор отдал бы кому-либо для ознакомления невычитанную и неряшливо изготовленную рукопись. Более вероятно, что она попала в органы госбезопасности от машинистки⁴.

При публикации мы старались ограничить вторжение в авторский текст, чтобы в максимальной степени сохранить особенности авторского стиля. Для последнего характерна, в частности, относительная скудость пунктуации (минимум тире, кавычек, ударений, прописных букв). Большею частью,

³ ПЕТРОВ В. В. Семь писем из Невольного переулка // *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем (исследования и переводы)*. Под общ. ред. М. С. Петровой (М.: ИВИ РАН, 2012), с. 205—218.

⁴ Здесь почва для догадок становится совсем зыбкой. Можно предположить, как вариант, что машинистка, которая работала с рукописями писателей (Кржижановского, Клюева и др.), была арестована. Рукописи были изъяты. Кржижановский, узнав о её аресте, уничтожил свой экземпляр рассказа. Если верно, что машинистка печатала с рукописного текста, у автора могло вовсе не остаться авторской копии, а с учетом обстоятельств он не стал предпринимать попыток восстановить рассказ.

нарратив представляет собой внутренний монолог персонажа, приближенной к литературно необработанной устной речи с её эллиптическими конструкциями и неправильностями.

Проза «Невольного переулка» насыщена языковой игрой. Здесь есть уникальные находки, вроде фразы «он ждет óну», напоминающей о «нет влечется к нéте» из «Страны нéтов». В то же время, придумываются слова (шестизвонковый, отодиноченный, на отодвиге, оддумать, бездвижиться) и словосочетания (ходильная работа, ходить в полшума, будкий сон, дёрги шагов, на полпьянии, гражданин кто-бы-то-ни-было), которые вполне могут встретиться в чьей-либо устной речи.

Велико стилистическое разнообразие. Используется канцелярит и советизмы (отвработник, сверхпаек), задействуется устаревшая лексика (óблый) и правила дореформенной орфографии (наречия на ять). Стилизуется «простонародный» говор («Занозил он меня. Обидно») и неправильности (спозаранками, рывкость, дёрги шагов, заадресовать). Подобная сырая, терпкая лексика характерна для прозы Кржижановского. Примечательно, что в процессе последующей редакции он подчас понижал градус письма, уменьшал языковую насыщенность путем приведения к литературной норме⁵. Неодно-

⁵ Это видно в тех редких случаях, когда сохранившаяся машинопись содержит правку писателя, как, например, в сб. «Сказки для вундеркиндов». См. Квадрат Пегаса, РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 1, л. 29: «звездным по тьмову» → «звездным по тьме»; Грайи, л. 80: «*посреди всей цветени*, по колено в словах» → «по колено в словах»; Спиноза и паук, л. 92 «*колючую сложнoгрань* глаз» → «колючий *гранёный* глаз», л. 93: «*волюменов*» → «печатных томов»; Четки, л. 98 «*желтыми обжинками* оброненные лучи» → «оброненные лучи», л. 100 «такая *полнь*» → «такая *наполненность*»; Поэтому, л. 107 «сведенные *писчим* спазмом» → «сведенные спазмом», л. 118 «*ничего-не-надная форма anaesthesia poetica*» → «*anaesthesia poetica*»; Старик и море, л. 132: «*высердцованный* червь» → «червь, *вынутый* из сердца»; Итанесиэс, л. 137: «на *зигзаге* пути» → «на *пути*», «*дальнюю наорбитную* поступь светил» → «*дальнюю* поступь светил»; Некто, л. 149: «к *поблескивающему медью* горизонтальному толстому стержню» → «к *горизонтальному* стержню»; Проданные слезы, л. 166: «*давнул*» → «*нажал*»; Кунц и Шиллер, л. 193: «рукопись, с *лоскотом*, стала... *сворачиваться*» → «рукопись стала... *сворачиваться*»; Страна нетов, л. 205: «сон просыпается *явью*, — *и входит, явя*» → «сон просыпается *явью*».

кратны редуцированные формулы, усиливающие впечатление того, что рассказчик бормочет себе под нос («все двадцать четыре в сутки»; «года два тому»; «с первым брезгом»).

В пандан к упоминаемым народным обрядам (общинная свеча) ставятся пословицы («хоть на вей-ветер швыряй», «скачу задом и передом»), поговорки («хоть шаром», «руки плетью», «палки в колеса») или отсылки к ним («горбатого могила»). Эта «народность» не должна вводить в заблуждение. В «Невольном переулке» пословицы как правило берутся автором из «Пословиц русского народа» В. Даля⁶. В иных случаях Кржижановский даже сочинял поговорки «под Даля»⁷, которого высоко ценил. Из собранных Далем пословиц Анатолий Мариенгоф, в журнале которого Кржижановский печат-

⁶ Ср. письмо Кржижановского к А. Г. Бовшек от 11.04.1940: «Сегодня утром раскрыл Даля и загадал. Вышло: „Ушел завтра — вернулся вчера“». См. также, Писаная торба II (СС, т. 5, с. 35): «притащи-ка мне словарь Даля. На Букву „Д“. Он там, на нижней полке... Ну вот, посмотрим... „Дурак — глупый человек, тупица“. Гм, дальше: „от черта крестом, от медведя постом, от дурака — ничем“. Устарело: найден способ. (*Перелистывает страницу.*) „Всяк дурак красному рад“... (*записывает, скользя глазами по строкам книги.*) „На дурака и смех плачем прет“. „Смех плачем“ — полезный штрих, запишем». Н. Семпер упоминает о том, что в 1940-х подарила Кржижановскому «Пословицы и поговорки» В. Даля. Возможно, с ее стороны это был отклик на то, что писатель упоминал об этой книге.

⁷ В. Г. Перельмутер указывает на примеры того, как Кржижановский придумывает поговорки в стиле Даля: Путешествие клетки 7 (СС, т. 5, с. 185), и прим. с. 185, или переиначивает их («Бог не в стиле, а в правде»): Записные тетради 3 (СС, т. 5, с. 408) и прим. с. 617. Интерес к народному словотворчеству и фонетической стороне языка у писателя был давним. Уже в раннем сочинении он пишет: «В наивной народной речи, не знающей пресса книги и „буквы“, гербаризирующей слова, можно еще наблюдать пережитки свободного, как бы „хозяйского“ отношения к формам звука... Например: „звери всяки, и такй, и таки“ (из сказки). Парадоксальность и прихотливость свободного словообразования ярко ощущается при чтении „Толкового словаря живого великорусского языка“ Даля»; Идея и слово (1912), СС, т. 5, с. 494—495. А также, Арго и Ergo (ок. 1918), СС, т. 5, с. 508: «В словаре Даля есть такой пример фразеологии: „Далеко ли до ***?“ — „Близко“. — „А далеко ли до близка?“».

тался в 1924-м, даже выводил, шутя, эстетику имажинизма⁸. А чего стоит сюрреалистическая байка Кржижановского о лексикографе, под которым де в Средней Азии издох верблюдов, так что тот поневоле два дня просидел в песках на кипе материалов для словаря, будто заклинатель змей, играя на кларнете! Этот эпизод Кржижановский поведал членам Союза писателей, выступая в 1939 г. с докладом на секции драматургов⁹.

⁸ МАРИЕНГОФ, А. Мой век, мои друзья и подруги / Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова: Сборник (М.: Моск. рабочий, 1990). С. 104—105: «Если бы меня спросили: „Кто родоначальник имажинизма?“ — я бы ответил не задумываясь: „Настенька“. Имажинизм родился в городе Пензе на Казанской улице. „Исход“ — первый имажинистский сборник — был отпечатан в губернской пензенской типографии осенью восемнадцатого года. — Вы слышали, — спрашивал я стихотворца Ивана Старцева, тоже окончившего пензенскую пономаревскую гимназию, — вы слышали, как сейчас сказала Настенька... — „Беда, — говорит, не дуда: поиграв, не кинешь“. Хорошо сказано? Стихи надо писать так, как говорит Настенька: образы, образы, образы. Корни имажинизма! В библиотеке у отца, конечно, был и толковый словарь Даля. Этой книге, по-моему, цены нет. Какое богатство словесное! Какие поговорки! Пословицы! Присказки и загадки! Разумеется, они примерно на одну треть придуманы Далем. Но что из того? Ничего. Важно, что хорошо придуманы. Этот толковый словарь в переплете, тисненном золотом, являлся не просто любимой книгой Настеньки, а каким-то ее сокровищем. Она держала его у себя под подушкой. Читала и перечитывала каждодневно. Как старовер Библию. От него, от Даля, и пошла эта Настина чудная русская речь. А когда она впервые приехала в Пензу прямо из своей саранской деревни Черный Бутры, ничего такого и в помине не было — говорила Настенька обычно, серовато, как все».

⁹ Доклад «Пьеса и её заглавие» от 9. 12. 1939 (СС, т. 4, с. 628): «Лев Николаевич в своих дневниках пишет дважды, по крайней мере, о значении русской пословицы, поговорки и загадки. Он находит, что в каждой почти, — не скрою, что у него написано „почти“, — русской поговорке скрывается сюжет... Каждая пословица это есть „S есть P“. Она всегда двусторонняя, двусторчатая, она всегда звучит равномерно, она всегда страшно конкретна. Я много работал над Далем, о котором существует такое предание. Он даже это рассказал в одном из своих писем, так что это факт. Когда-то он, путешествуя со своим словарем по Узбекистану, потерял верблюда, верблюдов издох. Даль вез на нем кипу материалов для словаря плюс кларнет. В течение двух суток он сидел на своем словаре и играл на кларнете. Я ду-

Большое внимание в рассказе уделяется фонетическим параллелям. Подбираются и обыгрываются уже существующие в языке созвучные пары (писатель / записыватель; Господу Богу / ей-богу; от нахлеста / нахлестался; письмо в ящик / и меня в ящик), придумываются новые (вскоре / невскоре; суразить несуразицу; препротивню противное), конструируются омофоны («только у них и темы, что, мол, не те мы») и шуточные этимологии («между словами „почта“ и „почтенная“ есть даже какое-то родство»). В некоторых местах текст представляет собой прозаические центоны (ср. пассажи, сконструированные из наречий на ять или из поговорок и переиначенных пословиц). Рассказчик сыплет горькими афоризмами («лучше красный нос, чем нос по ветру», «уровень жизни так поднялся, что подбирается к горлу»).

Социальные реалии входят в рассказ не только через прямое упоминание (почтовые марки; иерархия жильцов в коммуналке; очереди за водкой и пр.), но и опосредованно. Кржижановский, обыкновенно использующий «книжный» литературный язык, лишенный примет места и времени, в «Невольном переулке», как сказано, задействует советизмы, канцеляризмы, просторечия и поговорки. Характерно, что лингвистические перемены в русском языке становятся в тот период предметом рефлексии. Примеры сугубо личных, непрофессиональных наблюдений можно найти в книге В. В. Шульгина «Три столицы» (Париж, 1927), где автор, помимо прочего,

маю, что есть что-то общее между русскими пословицами и этой игрой на кларнете. Пословица зовет к себе, вторгается в мышление и музыкой, и логикой. Пословица, в которой только логика без музыки, или наоборот, никуда не годится. Пословицы можно создавать. Суворов создал целый ряд пословиц... Конкретность поговорок заключается в том, что берут скалку, косу или прялку из рук женщин и объединяют с образом той, которая держит это в руках... „Два братца купаются, сестрица надсмехается“. Два братца — ведра, а сестрица — коромысло. Переверните его — как улыбка. Как страшно конкретно. Цель моя — указать только на это, а не на мудрость народную, потому что, если притащить все четыре тома Даля, мы отсюда не ушли бы до нового года и т. д.»

неоднократно удивляется языку советской России¹⁰. Книга, которая была инспирирована ОГПУ и в ОГПУ была на редактировании (Шульгин не догадывался, что им манипулируют), в Москве была доступна определенным лицам сразу же после публикации, так что, к примеру, описанный Шульгиным эпизод с неудачной перекраской бороды, был незамедлительно воспроизведен в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928). Филологический анализ и фиксация языковых новшеств с точки зрения дореволюционного языкового стан-

¹⁰ Шульгин В. В. Три столицы (1927), — цит. по изд.: М.: Современник, 1991. **О вывесках**, С. 83: «Украинские вывески чередовались с апокалипсическими названиями: Сорабкоп, Укрнархарч, Укрнарпит, Тэжэ, Винторг, Бумтрест»; С. 136: «Зашел я в какой-то ярко освещенный магазин. Кажется, на нем было написано „Сорабкоп“. Долго я скреб голову, пока я догадался, что сие должно означать: Советский рабочий кооператив. Этих сорабкопов, между прочим, тьма-тьмуца повсюду»; Там же, «Все это не так просто разобрать. Надписи ни одной человеческой нет. Все какие-то тяжеловесные, иногда совершенно непонятные заглавия... Абракадабра какая-то... Толковых человеческих названий, как раньше было, фамилии купца и чем он приблизительно торгует — этого почти нет»; С. 151: «Я вышел на улицу, прошел, постоял против какого-то магазина, на котором была написана в разных вариантах «Т. Ж.» Я стал философствовать: «Тэжэ» равно «теже», то есть — «те же». Но почему «те же» и кто они такие?... Тех же щей, да пожиже влей. Но потом я понял: «теже» надо читать как «жете», а «жете» не значит «выбрось к черту», как поняли бы в Париже, и на значит — кабака на воде, как поняли б в Ницце, а обозначает просто — жировой трест. Но жировой трест надо тоже понимать «духовно». Это всякая косметика. Таким образом, под этим салотопенным названием кроются самые изящные продукты». **О политическом жаргоне**, С. 85: «Два молодых еврея в сапогах, галифе и кепи шли, рассуждая о Зиновьеве. Я прислушался, но, кроме слов „программа“, „военный коммунизм“, „уклон“, „ленинградская делегация“, „дисциплина партии“, „нейтральный актив“, — ничего не понял». **Об орфографии**, С. 93: «Кажется — пустяки не писать твердый знак, ять, и с точкой, а вот так рука и тянется. Приходится быть ужасно внимательным»; С. 254: «Я читал эти советские газеты, и сквозь богомерзкую орфографию, сквозь подло-дурацкую коммунистическую „словесность“ ко мне прорывался пульс России»; С. 251: «Они [молодые люди] раз навсегда и твердо усвоили: все, что написано старой орфографией, — интересно, новой — скучно». Также ср. статью Петра Пильского «Косноязычные филляры» в газете «Сегодня» (Париж) от 1.01.1927.

дарта были предприняты в исследовании А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» (1928)¹¹. Кржижановский, который интересовался вопросами языкознания, должен был знать о ней. Быть может, не случайно он обращается в «Невольном переулке» к игре с наречиями на «ять», хотя вряд ли тем самым он противопоставлял до- и послереволюционную орфографию. В своей прозе он неоднократно обыгрывает мнемонические правила из гимназической программы, привнося в них (исходно там отсутствовавшие) лингвистические или философские коннотации.

Отличительной чертой «Невольного переулка» является его кумулятивность. Рассказ начинен афоризмами, копившимися в «Записных тетрадах». Текст полон жизненных зарисовок (неспящий старик), автобиографических деталей (ав-

¹¹ Ср. ЖИВОВ В. М. Язык и революция: Размышления над старой книгой А. М. Селищева „Язык революционной эпохи“ // Отечественные записки 2005. 2 (22): «Язык революционной эпохи — это прежде всего специфический социальный инструмент, входящий в набор орудий культурной революции. Его предназначение состоит в расправе со старой социально-культурной элитой и в конструировании элиты новой, для которой „птичий язык“ революции служит символическим индикатором новой лояльности... Новые имена создают новое жизненное пространство, в котором человек со старыми культурными навыками чувствует себя неуютно (и в мемуарах мы располагаем многочисленными свидетельствами этого восприятия: жизнь стала как бы чужой, родной город сделался как бы незнакомым и т. д.), а производитель нового дискурса ощущает себя хозяином жизни и властелином людских судеб. Наиболее непосредственным образом это проявляется в переименовании городов, площадей, улиц, незнакомые (и нередко враждебно звучащие) наименования которых преобразуют физическую среду обитания. Однако не менее существенны переименования прочих предметов публичной сферы: учреждений, должностей, сфер деятельности и т. д. Именно в этой функции преобразователя жизненного пространства выступают многочисленные аббревиатуры. Человек старой культуры терялся между Наркомпросом, Цекубу, РКК, НКВД, ликбезом, учбатом... Не менее существенно, однако, что деятели большевистского режима в этих же условиях чувствовали себя как дома. Это были их сокращения, они обладали ключом для этой абракадабры букв, и данное знание, как и всякое знание подобного рода, означало власть и дискурсивно выделяло новую элиту».

торские внешность, пристрастие к алкоголю, образ мыслей и жизни), топонимических наблюдений (переулки, примыкающие к Варгунихинской горе)¹².

С учетом того, что рассказ находился в органах госбезопасности, у следователей могла возникнуть идея проверить адреса, указанные в письмах из «Невольного переулка». Если в то время сделать это было легко, то теперь весьма затруднительно. Большой их части уже не существует¹³. Четные дома в начале Тверской улицы, к которым относился и № 4, были взорваны в 1938 г. во время расширения проезжей части (да и сама улица с 1932 г. стала именоваться ул. Горького). Старообрядческая церковь Николы Чудотворца снесена в 30-х (Илл. 1), а в 50-х были скрыты остатки Варгунихиной горы. Под новой застройкой погребен Варгунихинский (Кривой) пер., в три колена соединявший Шубинский пер. и Смоленскую улицу. Снесена малоэтажная застройка между Смоленской набережной и 1-м Смоленским переулком (с панорамного вида на этот район начинается вышедший в 1963 г. фильм «Я шагаю по Москве»). Давно исчез вместе со своими 16-ю домами Невольный переулок (хотя на печатных картах Москвы он продержался почти до нашего времени). Как кажется, от него сохраняется проезжая часть: она поднимается параллельно Шубинскому пер. вдоль пятиэтажной стены типографии

¹² В автобиографии Кржижановский указывает, что в 1933 г. издательством Интурист был принят в печать его «Путеводитель по Москве» (РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 75, л. 13).

¹³ Сам Кржижановский отмечал текучесть Москвы: нет ничего постоянного, остаются лишь именованья, ср. Штемпель: Москва (1925), СС, т. 1, с. 538—539: «Вчера попался в руки „Арбат“ Белого; очерк говорит о совсем недавнем, о только-только отсутствовавшем; но когда я, полный еще образов „Арбата“, вышел на настоящий Арбат, я сразу же увидел, что отыскать хотя бы бледную проступь отсутствовавшего почти невозможно. Я был раздосадован. В конце концов... камень не тверже воска: каких-нибудь тридцать лет, и все перелеплено заново. Слова, те крепче... Имя, крепко сцепив буквы, сквозь пять веков пронесит свой корень, не отдавая ритма (кленники — клинники — блинники) и меняя звук лишь у краезвучья».

«Наука» из двора д. № 2, что на Смоленской набережной, а затем поворачивает влево, в сторону 1-го Николощеповского переуллка. Выстоял лишь «облый» дом по адресу Арбат, 51.

Илл. 1. Ц. Николая Чудотворца на Варгунихинской горе. Фото 1925 и 1935 гг.

«Пошел по Варгунихиной горе и постоял рядом с обезглавленной единоверческой церквушей».

Композиционно «Невольный переуллок» (как и повесть «Штемпель: Москва», имеющая подзаголовок «13 писем в провинцию») оформлен в виде серии писем, из которых последнее имеет признаки обрамляющего (автор выходит за

пределы монолога в рамочное повествование). Однако, если письма «Штемпеля» предназначались одному лицу (оставшемуся в Киеве «милому другу»), то модернистская эстетика писем из «Невольного переулка» определила целый ряд необычных адресатов: упоминается письмо, выброшенное в форточку (на вей-ветер), письма, адресованные «шести длинным дверным звонкам», гражданину Кому-бы-то-ни-было (или его окну), почтальону, жильцу еще не построенного дома, красноармейцу на почтовой марке, опять негаснущему окну.

Таким образом, во всех случаях монологи обращены в пустоту, адресатом исповеди является некое не проявляющее себя зияние. Похоже, что семь писем из «Невольного переулка» Кржижановский уподобляет семи монологам Гамлета, которые, как он замечает в другом месте, тоже обращены в пустоту и молчание:

«Метод последних слов ...Вспоминая в своем диалоге „Федон“ о смерти учителя, обвиненного в разращении юношества и отрицании бытия богов, Платон приписывает Сократу, уже принявшему цикуту, следующую заключительную фразу всей его жизни: „Не забудь принести в жертву Эскулапу петуха“. Петуха приносили в жертву богу-целителю в благодарность за излечение... Если вы хотите узнать тональность музыкального произведения, достаточно, заглянув в ее последнее тактовое разделение, отметить последнюю ноту: обычно нота эта и является тоникой, т. е. опорным звуком того звукоряда, на котором построена вся вещь. То же самое... говорят нам завершительные сцены шекспировских трагедий. Возьму, для начала, самую известную. „Гамлет“. Протагонисту дано автором семь монологов. Любопытно отметить, что все они обращены не к живым персонажам, а к персонажам, я бы сказал, абстрактным, находящимся за чертой пьесы... От собеседников этих Гамлет не получает в ответ ничего, кроме молчания, — и только умирая, пораженный ударом отравленного меча, он говорит, точнее, повторяет единственную глухую реплику,

которую получал в ответ на все свои монологи: „Остальное — молчание“ — „The rest is silence“»¹⁴.

Не случайно, и в приведенном отрывке, и в заключительной фразе «Невольного переулка», упоминается о яде и отравлении.

Финал «Невольного переулка» — о смерти, свободе, праве оставаться собой в ситуации, когда «коленчатым Невольным переулком» сделалась вся Россия. В пятом письме упоминается изображенный на марке красноармеец, который своей смертью загородил «свое от чужого» (Илл. 2—3). Его «свое» победило. Но протагонист «Невольного переулка» ощущает себя посторонним в этом «прекрасном новом мире» («с февралевой душой да в октябрьские дела»). Он вытеснен из бытия, и это угнетает его. «Приклеиться», «держат нос по ветру» — значит существовать в виде «и я» (так Кржижановский именует голос безликого представителя толпы, имитацию бытия). Вести незаметное существование, быть пустым местом — это еще один вид не сущего: отчужденная жизнь «перегораживает дорогу своему к своему», лишает идентичности (здесь Кржижановский говорит на языке экзистенциализма¹⁵).

¹⁴ Фрагменты о Шекспире (1939), СС, т. 4, с. 363—364.

¹⁵ Ср. САРТР Жан-Поль. Бытие и ничто (1943), пер. с фр. В. И. Колядко (М.: Республика, 2004), с. 543: «Наша жизнь является только долгим ожиданием, ожиданием реализации наших целей... особенно ожиданием себя... Это проистекает... из самой природы для-себя, которое „есть“ в той степени, в какой темпорализуется... Быть собой — значит идти к себе». Однако для Сартра и Камю самоубийство и пассивность тождественны в том, что являются торжеством экзистенциального абсурда над смыслом и целеполаганием. Камю говорил: «самоубийство — ошибка», «я отвергаю самоубийство» («Миф о Сизифе», 1941). САРТР. Бытие и ничто, С. 560: «Сделаться пассивным в мире, отказаться от воздействия на вещи и Других — это значит еще выбирать себя, и самоубийство является одним из способов бытия-в-мире»; С. 545: «Самоубийство является абсурдностью, которая погружает мою жизнь в абсурд». Для Сартра самоубийство является признанием своей неудачи и передачей себя в руки Другого. Впрочем, в философской системе координат Кржижановского, сформированной в кантовско-фихтевской парадигме, подобная аргументация не работает. Всякий Другой есть лишь мозговой конструктор.

Илл. 2. Человек на марке.

«Я вижу вас в вашем зеленом бумажном окошечке. Ваши плечи выдвинуты над рубчатым подоконником, а поднятая вверх голова охвачена суконным шлемом».

Илл. 3. Иван Шадр. Красноармеец (1922).

«Как-то рабочий один, лицо у него было похоже на ваше, отслушал одну из моих речей и сказал: *с февралевой душой, да в октябрьские дела*».

Схожая проблематика — свобода и детерминизм, личность и социум, революция и индивид — неоднократно обсуждается в прозе Кржижановского. Достаточно указать на рас-

сказы «Штемпель: Москва», «Красный снег»¹⁶, «Разговор двух разговоров». Последний представляет собой диалог, в котором бледный (незагорелый) пляжник¹⁷ отстаивает идею свободы и прав личности, а загорелый их отрицает. Характерно, что и здесь имеется отсылка к шекспировскому «Гамлету». На аргументы защитника свободы его оппонент-детерминист отвечает: «Слова, слова, слова». Тогда первый парирует: «Только интонацию принца по нынешним временам приходится заменять интонацией нищего: слов, слов, слов»¹⁸.

¹⁶ Между ними, вообще, имеется ряд переключек. Например, в финале «Красного снега» появляется философ-кефалофор, и в «Разговоре двух разговоров» тоже упоминается фреска со святым, несущим в руках свою голову, как фонарь. Изображение святого Кржижановский ошибочно относит к панно «Аллегория Сорбонны» Пюви де Шаванна, но, скорее всего, образ инспирирован скульптурным изображением св. Дионисия, покровителя Парижа, из Нотр-Дам де Пари. Всего во французской агиографической литературе упоминается более 134 кефалофоров, см. *NOURRY Émile. Les saints céphalophores. Étude de folklore hagiographique // Revue de l'Histoire des Religions 1929. 99. P. 158—231.* Сравнение отсеченной головы с фонарем указывает на второй источник Кржижановского — «Божественную комедию» Данте: «Ад». Песнь 28, 118—142 (к этой сцене имеется иллюстрация Гюстава Доре). В восьмом кругу ада путники встречают Бертрама де Борна:

Я видел, вижу словно и сейчас,
Как тело безголовое шагало
В толпе, кружащей неисчетный раз,
И срезанную голову держало
За космы, как фонарь, и голова
Взирала к нам и скорбно восклицала.

.
Я связь родства расторг пред целым светом;
За это мозг мой отсечен навек
От корня своего в обрубке этом...

(пер. М. Лозинского, 1932—1945).

¹⁷ Ср. Штемпель: Москва (1923), СС, т. 1, с. 531: «На Крым мне не хватает червонцев, объяснять же вернувшимся друзьям, почему не загорел, долго и скучно».

¹⁸ Ср. тот же прием в «Красном снеге», где опустившийся философ предстает в виде нищего, умоляя «подать на философему».

Шестое и седьмое письма адресованы жителю «облого» дома, высившегося напротив дома самого Кржижановского. Вначале приведены несколько образчиков *Galgenhumor*. Затем следуют две зарисовки: воспоминание о старике, в буквальном смысле приравнявшем жизнь к бодрствованию, а смерть — к сну¹⁹, и случай с попавшим под колеса псом, до последнего борющимся за жизнь. Парадоксальным образом этот акт проявления животной воли подталкивает рассказчика, не желающего мириться со статусом заложника исторических событий, к решению добровольно оборвать свое существование. Выбор неоднозначный, но легитимизированный стоической философской традицией²⁰. А возможно пример с псом демонстрирует разницу между животным и человеком: пес цепляется за жизнь, а человек, которого переехало колесом истории, способен от нее («жизни собачьей») отказаться²¹. Это его

¹⁹ Зарисовка следует за признанием повествователя в том, что он оказался чужд революции. Схожее рассуждение, представляющее Октябрь (революцию) как ликвидацию ночи (сна) имеется в повести «Штемпель: Москва» (СС, т. 1, с. 526—527).

²⁰ СЕНЕКА. Нравственные письма к Луцилию LXX: «Благо — не сама жизнь, а жизнь достойная. Так что мудрый живет не сколько должен, а сколько может. Он посмотрит, где ему предстоит проводить жизнь, и с кем, и как, и в каких занятиях, он думает о том, как жить, а не сколько прожить. А если встретится ему много отнимающих покой тягот, он отпускает себя на волю... Хорошо умереть — значит, избежать опасности жить дурно. По-моему, только о женской слабости говорят слова того родосца, который, когда его по приказу тирана бросили в яму и кормили, как зверя, отвечал на совет отказаться от пищи: „Пока человек жив, он на все должен надеяться“. Даже если это правда, не за всякую цену можно покупать жизнь. Пусть награда и велика, и надежна, я все равно не желаю прийти к ней через постыдное признание моей слабости... Самая грязная смерть предпочтительней самого чистого рабства... Кто захочет, тому ничто не помешает взломать дверь и выйти. Природа не удержит нас взаперти...» (пер. С. А. ОШЕРОВА).

²¹ Ср. BOSSUET *Jacques-Bénigne*. *Traite de la connaissance de Dieu et de soi-même* (1677) V, 9: «Великая власть воли над телом состоит в том необыкновенном явлении... что только человек является господином своего тела, и может даже пожертвовать им ради большего блага, которое он перед собой полагает... Способность сознательно и разумно решиться на смерть,

единственная возможность распорядиться собственной судьбой. Чтобы выйти из Невольного переуллка, нужно покончить с его небытием.

несмотря на все стремления тела, которое противится такому намерению, указывает на нечто превышающее тело; из всех живых существ это нечто находится только в человеке. Здесь хороша мысль Аристотеля о том, что только у человека есть разум, поскольку лишь он может превозмочь и природу и [общественные] установления»; *BROCA Paul*. Discours sur l'homme et les animaux // *Bulletins de la Société d'anthropologie de Paris*. II° Série. 1866. Т. 1. Р. 67: «Согласно Локку, в наибольшей степени людей от животных отделяет способность абстрагирования. Однако, что как не спесивую абстракцию создает пес, когда ласкается к хорошо одетому незнакомцу, но лает на нищего?.. В качестве сущностной характеристики человека многие авторы предлагают свободу. Так, цитируя Боссюэ, мсье Флуран (с. 104) считает, что только человек свободен настолько, чтобы совершить самоубийство... Что до меня, мне вовсе не кажется доказанным, что животное неспособно на самоубийство...» См. *FLOURENS Pierre*. De l'instinct et de l'intelligence des animaux (4ème éd., Paris, 1861). Р. 104.

Сигизмунд Кржижановский
Невольный переулоч¹

(пачка писем — от одного лица разным адресатам)
Подготовка текста к публикации и примечания В. В. Петрова

1.

Тверская 4 и, кажется, 3.
4-й этаж, слева.

— Шести продолжительным звонкам.

Я познакомился с Вами, проделывая зигзаг вашей узкой и достаточно темной лестницы. На квартирной доске — по белому, врамленному в красное — внизу стояла ваша фамилия. Но я забыл ее, простите. Помню только, что вы шестизвонковый. Это — уже характеристика². Первый, по возможности

© Подготовка текста к публикации и примечания В. В. Петрова. 2012.

© TSQ 41. Summer 2012 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Многочисленные тексты, приводимые в примечаниях, призваны предоставить читателю контексты к историческим, лингвистическим, культурным, литературным, философским, бытовым и пр. реалиям.

Ср. Записные тетради II (СС Т. 5, С. 358):

«Невольный переулоч» (заглавие).

1. О том, что все письма не доходят.

2. Человек на марке.

3. Невольный переулоч.

4. Перлюстраторы.

5. Самому не-ближнему.

Там же, С. 365: «Нев<ольный> пер<еулоч>. Клепсидра (водян<ые> часы), наполненная спиртом: пить время». Ср. Клепсидра, СС, т. 5, с. 303—306.

² Ср. Красный снег (СС, т. 5, с. 148): «На двери дощечка: „врачу Бухгалтеру — три раза, Ю. Ю. Тишашеву — два раза, Безносенко — один раз, И. Я. — ни разу“. Рука Шушашина в нерешительности описала круг около звонковой кнопки: интересно бы взглянуть на этого И. Я.; только как до

короткий звонок, забирает себе наиболее почтенный жилец квартиры. Обычно, это отработчик³, человек с портфелем. Ему некогда вслушиваться и пересчитывать звонки. После первого металлического толчка о слух, он перестает считать и возвращается к своим цифрам и докладам. Человек о двух звонках уже не существо с портфелем, а существо при портфеле⁴. Оно достаточно почтенно, состоит на сверхпайке⁵, но работает и в сне и в яви⁶, все двадцать четыре в сутки. Ну, а шести-звонковый жилец, он и не в счет. Это терпеливый челове-

него добратся?» А также: *ИНБЕР Вера*. Ловец комет (1926): «Она спустилась вниз и остановилась в затруднении перед звоночной таблицей. Подумав, позвонила один раз, затем робко второй»; *ЧУКОВСКИЙ К. И.* Дневник (14.02.1923): «В Москве теснота ужасная... И на дверях записочки: один звонок — такому-то, два звонка — такому-то, три звонка — такому-то и т. д.». Любопытно, что в 1924 г. как Инбер, так и Эренбург пишут о некоей коммунальной квартире № 32: *ИНБЕР В.*, Квартира № 32 (1924): «Он любил открывать парадную дверь. Утром, вечером, днем, на все звонки, на один, на два, на три, на два коротких и один долгий и, наоборот, на стук кулаком»; *ЭРЕНБУРГ И.* Рвач (1924): «Квартира № 32, эта рядовая московская квартира, являлась поэтическим вымыслом жесточайшего человеконенавистника. На входной ее двери красовался длиннейший список фамилий с пометками: „звонить три раза“ или „стучать раз, но сильно“, „два долгих звонка, один короткий“. Все двадцать семь обитателей квартиры должны были, прислушиваясь, считать звонки или удары, отличая долгие от коротких... Обыск у одного, понос у другого создавали бессонницу двадцати семи душ. Кухня была общей, и меню каждого оценивалось с точки зрения этики, эстетики, а также возможности вынужденного переселения в Нарым. Все двадцать семь искренне ненавидели друг друга. Швейге, наблюдая вялость уходящего утром от Сонечки Шурки Жарова, негодуяюще шептала на кухне: „Она же его погубит, эта дрянь! Вы только посмотрите, он даже с лестницы сойти не может“. Служащего Госбанка Данилова попрекали тем, что его жена изводит полфунта масла на обед: „Сразу видно, взяточник“. Когда умер год тому назад муж Швейге, жена Данилова объяснила, что он умер от супружеской требовательности старой ведьмы. Коммуниста Чижевского долго побаивались, но, как только выяснилась принадлежность его к оппозиции, Швейге немедленно дошла до колкого замечания: „Кофейник нельзя в раковину выпораживать, засоряется, некультурно это...“ История всех стычек могла бы составить увлекательный роман с выразительным названием „Квартира № 32“, и нечего удивляться, если хоть в мудрой, но наивной голове профессора Петрякова эта история часто заслоняла историю великой революции».

чек, которого терпят за терпение. И только. И я знаю, что вы, терпеливо отсчитывающий ваши шесть, настолько покорны, что долистнете эти страницы непрошеного письма до последней. Это единственное, что мне в сущности надо. Быть выслушанным.

Странная болезнь, скажем — письмомания, овладела мной вот каким образом. Это началось года два тому, когда водка создавала внезапные и длинные очереди, а сдачу с рублей да-

³ Ср. СЕЛИЩЕВ А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). М.: 1928. С. 192: «Произношение по начальным слогам слов, входящих в сложный термин. Этот способ образования применяется весьма часто. Бывает и так, что от одного из слов входят только согласные начального слога, но без следующего за ними гласного. Нередко в состав сокращения не вводят начальные части всех слов: от некоторых слов не имеется никаких следов в сокращенном названии. — *Внешторг, всерабис, истпарт...*»

⁴ Ср. АНДРЕЕВСКИЙ Г. В. Повседневная жизнь Москвы в Сталинскую эпоху. 1920—30-е годы. Изд. 2-е. испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 21—22: «Французский журналист Родэ-Сен нарисовал довольно мрачную картину Москвы 1934 года. В журнале „Иллюстрированная Россия“ он писал: „...Некоторые прохожие резко отличаются от общей массы своим внешним видом. Они гораздо лучше одеты и все, без исключения, носят портфели. Это — чиновники, властители советского общества»; С. 76—77: «Трамвай „А“ называли «совбуrom» (советским бюрократом), в нем... ездили „портфели“, „Б“ — „демократическим“. Публика в нем была самая разная. Первый его вагон от Тверской улицы до Крымской площади собирал интеллигентов и ответственных работников, второй — подбирал с вокзалов молочниц, торговок, деревенских баб... Отбор пассажиров шел, наверное, по привычке. До революции первые вагоны трамваев были вагонами первого класса»; С. 31: «Продавались за 5—7 рублей брезентовые портфели и портфели женские с зеркальцем внутри, а также большие „совнаркомовские“ портфели с двумя замками, стоившие около 50 рублей и составлявшие мечту каждого чиновника».

⁵ *Сверхпаек* — обычный паек плюс дополнительные продукты. Ср. СЕЛИЩЕВ. Язык революционной эпохи, С. 36: «Иноязычное влияние отразилось также на образовании некоторых слов из русских основ... Образование с *сверх-* — соответствующие немецким образованиям с *über-* или *ober-*. Напр.: *сверх-левый коммунист* (Ленин, Т. XV, с. 187), *сверх-левый с.-р.* (Ленин, Т. XV, с. 182), «большинство партии обвиняется *сверх-развязным* оппозиционером в том, что...» (Правда, № 295. 1925)... «*Сверхглупость*, проявленная эмиграцией» (Известия, № 7. 1926)... Ср. немецкие образования: *Überbil-*

вали почтовыми марками⁷. Я пью⁸. Что меня заставляет пить, спросите вы. Трезвое отношение к действительности⁹. Я стар — у меня рыже-серые волосы и рыжие зубы, а жизнь юна — следовательно, меня надо смыть, как пятно, вытравить водкой начисто. Вот как.

Утро свое я начинал тогда так. Встав спозаранками, я выходил к перекрестку и ждал. Как охотник на току. Вскоре, а иной

dung, Übermensch, Oberamt, Oberarzt, Oberlehrer и др.»

⁶ «В машинописи «и в сне в яве». Ср. Возвращение Мюнхгаузена (СС Т. 2, С. 251): «И в яви, и в сне»; Книжная закладка (СС Т. 2, С. 584): «И в сне, и в яви». Быть может, эта пословица заимствована автором из примечаний В. Н. Карпова к шеститомному изданию сочинений Платона, которое Кржижановский хорошо знал, используя примечания Карпова в своих теоретических работах. Карпов неоднократно разъясняет эту пословицу, см. Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные проф. Карповым, ч. I—VI, изд. 2-е, испр. и доп. (СПб., 1863—1879), Т. 4, С. 112, прим. 2; Т. 3, С. 137, прим. 1; Т. 5, С. 103, прим. 2.

⁷ Ср. Чехов А.П. Письма (1886): «В редакцию „Радуги“... Имею честь просить уважаемого г. Мансфельда сочинить мне для домашнего обихода четыре комедии, три драмы и две трагедии погамлетистее, на каковой предмет по изготовлении их вышлю три рубля. Сдачу прошу переслать почтовыми марками... Полковник *Кочкарёв*». В России, как правило, почтовые марки заменяли мелкую монету во время нехватки последней. Так, во время Крымской войны марками выдавали сдачу с рубля. В годы Первой мировой и до 1917-го г. для этого использовались почтовые марки копеечных номиналов из юбилейной серии, выпущенной в 1913 г. к 300-летию юбилею династии Романовых. Надпись на них гласила, что они имеют хождение наравне с медной или серебряной разменной монетой. Следующий разменный кризис относится к началу 1920-х и в основном был преодолен к началу 1925 г. Сдачу почтовыми марками в 1942 г. давали магазины в Красноярске, Ачинске, Канске, Абакане.

⁸ Ср. написанное в 1920-х гг. письмо Л. Крюгер, киевской знакомой Кржижановского (РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 87): «Я так рада, что Вас повидала, что познакомилась с очаровательной Анной Гавриловной. Но как я Вас не люблю, я нахожу, что Вы ее не стоите, а не стоите из-за Вашей отвратительной (простите откровенность) склонности. Вы знаете, о чем я говорю. Зима, милый, бросьте это, возьмите себя в руки, ведь Вы себя губите...». См. письма Кржижановского к А. Г. Бовшек: «Мыслям (в летние месяцы) вход в мою голову строго воспрещается, — если какие и протиснутся под темя, немедленно заливаю их водкой» (19.07.1931); «В магази-

раз и нескоре, с той или иной улицы перекрестка показывалась телега, груженная деревянными ящиками. В ящиках — запрятанный под стекло и пробки алкоголь. Я выходил из неподвижности и шел за телегой — куда бы она не поворачивала — вплоть до остановки и разгрузки. Чувство такое, будто почтительно шествуешь за катафалком, на рессорах которого твой же собственный прах¹⁰.

Но не в этом дело. Дело в марках, которыми платили тогда, по недостатке мелочи¹¹, сдачу. Что делать человеку, живущему на отшибе от людей, отодиноченному от всех, с марками? Эти клейкие рубчатые прямоугольнички для общающихся, сросшихся сердцами, вклеивающихся друг в друга. Марок у меня накопилось препорядочное количество. Они лежали в стороне, на отодвиге, у края стола. И просили работы, осмысления. Я как-то — на полпьянии¹² это было — оторвал рубчи-

нах по-прежнему ни капли водки: а ведь мозгу необходим хоть какой-то малый % иллюзий» (16.07.1932); «Пью значительно меньше, стараюсь заменить водку легким столовым вином. Я понял, что это необходимо, иначе нервы не выдержат и работа кракнет» (04.08.1933); «Пью микстуру — и самочувствие мое значительно лучше. Стараюсь помогать этому, переходя с водки на красное вино. Это стоит дороже, но здоровье еще дороже» (20.06.1938).

⁹ Ср. А. Г. Бовшек о Кржижановском во втор. пол. 1930-х гг.: «Ни явь, ни сон не давали ему покоя, алкоголь стал для него необходимостью. Когда его спрашивали, что привело его к вину, он говорил, отшучиваясь: „Трезвое отношение к действительности“» (Глазами друга ХП). Тот же каламбур см. в музыкальной комедии *Поп и поручик* (1934—1938), РГАЛИ, ф. 2280, оп. 2, ед. хр. 22 и 23.

¹⁰ Ср. Записные тетради I (СС Т. 5, С. 329): «Жить — это значит втыкать палки в колеса катафалка, на котором меня везут».

¹¹ Ср. Записные тетради III (СС Т. 5, С. 389): «„Исчезла мелочь“ — исчезновение мелочи в широком смысле (мелкого, гибель пустяков) (К „Невольному> переул<ку>“»).

¹² СЕЛИЩЕВ А. М. Язык революционной эпохи. С. 41: «Многие деятели русской революции происходили из Польши и с юго-запада России. Черты польского языка отражаются значительно в речи многих лиц, действующих на общественном, политическом и экономическом поприщах Союза. Эти черты приходится наблюдать в устной речи. Некоторые из этих черт лексических, формальных и синтаксических проникают и в печать и полу-

ки от рубчиков и решил (мы, пьянчуги, знаете, не злы) доставить удовольствие марке.

Но кому писать? хоть шаром. И ни конверта, ни почтового листа¹³. Но все-таки я набросал мое первое письмо, сложил бумагу лодочкой, приклеил марку и сверху: «Первому, кто подымет». Затем оставалось открыть форточку и бросить в нее, как в почтовый ящик.

Ну вот, так и повелось. Мы, я и мой соавтор, водка, постепенно приуныли к эпистолярному делу. Нечто вроде духовной закуски. Не обижайтесь. Впрочем вы, шестизвонковые, и не должны слишком быстро обижаться. Кстати, на каком звонке у вас возникает волнение? На четвертом, или может быть на пятом? Ведь если вы он, то ждете óну, а если óна, то ждете óна¹⁴. А я вот стар и никого уже не жду. И ходит ко мне

чают широкое распространение среди граждан Союза... Тому же влиянию обязано сочетание с *пол-* в м. «половина» при счете времени в *пол-второго*, *пол-пятого*, *пол-десятого* и др. «Слово для доклада имел представитель центра тов. К., затянувший доклад до *пол-второго* ночи» (Правда, № 4. 1926). Так говорят теперь и в Москве и в других городах. Ср. польские: *rół do szóstej (godziny)*, *rół do dziewiętej* и т. д. Может быть, имело значение западнорусское, белорусское посредство: белор. *пол-пятага, дзєсятага...*»

¹³ *Почтовый лист* — специальный лист бумаги, который можно было сложить и отправить без конверта.

¹⁴ В машинописи ударения отсутствуют. Можно предположить, что автор склоняет местоимение «он» по образцу существительного «дон» (им. пад., м. р. «дон», ж. р. «дóна»; вин. пад., м. р. «дóна», ж. р. «дóну»). В этом случае, ударения должны быть расставлены так, как это сделали мы. Ср. Пушкин А. С. Каменный гость: Дон Гуан: „...Он Дону Анну взаперти держал“. В теоретических работах Кржижановский пишет о доне Армадо из комедии Шекспира «Бесплодные усилия любви». Как и в «Невольном переулке», «дон» ассоциируется с эпистолярной активностью, которая достойна смеха, выпеннена, глупа и пр. Ср. Комедиография Шекспира, СС, т. 4, с. 180—181: «[Костард] сует любовное письмо № 1 не в те руки... В той же пьесе... странствует, тоже не попадая по своему адресату, другое письмо (№ 2), сочиненное выпенненне глупым доном Армадо... Многоречивость дона Армадо опережается более краткими любовными предложениями его соперника...»; Фрагменты о Шекспире, СС, т. 4, с. 381: «Раскроем письмо великолепного дона Армадо, написанное полутрамотной простушке... Пока выпенненный автор пишет это письмо... он превращается в человека,

только проклятое оно́: вонзится в душу безглазием в глаза, холодом в кровь — и иногда так станет тошно, так захолодеет сердце, что вот бы... Впрочем, к чему это я. Бутылка до конца. Пойду за другой. По дороге брошу в ящик письмо. А там и меня в ящик. Ну, пока. Точнее — навсегда.

2.

Арбат, 51.

3-й этаж, первое окно слева, у правого подъезда.

Кому бы то ни было.

Нарочно наклеил в шесть раз больше марок, чем нужно, — их у меня хоть на вей-ветер швырай¹⁵. Авось, почтальон смилостивится и не испугается странного адреса.

Я про вас знаю, гражданин кто-бы-то-ни-было только одно: что над подворотней вашего дома цифра 51, и что в самую

перед которым откатывается трап, ему уже не взойти на корабль». В то же время, фонетически слово «о́ну» отсылает к ц.-слав. местоимению — личному (пна) или краткому указательному (цна), что создает дополнительные смысловые обертоны в контексте прочих случаев использования в рассказе старых лексических форм («обло» или правила на правописание ятей). Рассматриваемые строки могли бы выглядеть так: «Если вы цнь, то ждете цну, а если цна [или пна], то ждете цного... И ходит ко мне только проклятое цно [или пно2]» (я благодарю А. И. Грищенко за консультации относительно церковно-славянского языка). Схожее словотворчество встречается у Кржижановского в рассказе «Страна нетов», в котором повествуется о несуществующих жителях несуществующей страны: «нёт влечется к нёте, не зная, что нёты нёту» (СС, т. 1, с. 266). Заметим, что в последнем случае тоже присутствуют дополнительные смысловые отзвуки, поскольку *Нетой* Кржижановский именует в письмах свою жену Анну (ср. Аннета, Неточка Незванова у Ф. М. Достоевского). Еще один пример игры с местоимениями см. в рассказе Фантом (СС Т. 2, С. 564): «Этот в этой всегда любит ту... Оттого, что ту воображают, э т а рожают».

¹⁵ Ср. *Даль В.И.* Пословицы русского народа в двух томах. Изд. 2-е, т. 1, раздел «Язык-речь» (СПб.—М., 1879), с. 522: «Это на вей-ветер сказано»; там же, с. 530: «Он на мах (на ветер, на вей-ветер) слова на молвит»; там же, т. 2, с. 430: «Вей по ветру».

глубокую ночь, когда тьма перевалит через зенит, и сотня окон вашего нелепого, облого¹⁶ дома потухнет, только ваше окно горит¹⁷, пряча свет за белой занавеской.

Я это знаю, потому что люблю гулять по ночам. Очевидно, вы не в дружбе со сном. И когда все уже оддумали свои дневные мысли и расцепили контакты мозговых полушарий¹⁸, вы продолжаете идти вслед за мыслью. И я тоже. Нас только двое. Знаете, среди многого множества побратимств, есть и такое: братья по свече. Это из старины. Когда людям не хватает полущек¹⁹, чтобы купить обетную свечу²⁰, они покупают ее,

¹⁶ *Облый* — тучный, неповоротливый. Ср. Записные тетради II (СС Т. 5, С. 361): «Эпиграф из Тредьяковского». Имеется в виду эпиграф эпиграф, которым А. Н. Радищев предварил «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790): «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй». См. *ТРЕДЯКОВСКИЙ В. К. Тилемахида* (1766) XVIII, 514—516:

И напослѣдокъ, нежели тотъ преужасный-Песь Керверъ,
Чудище обло, озорно, огромно, съ тризъвной и-Лаей,
Из челюстей что-своихъ кровь-блюеть ядовиту и-смольну...

(Сочинения Тредьяковского. Т. 2/2, издание Александра Смирдина. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1849, с. 576).

¹⁷ О горящем ночью окне см. в рассказе «Красный снег».

¹⁸ Ср. Красный снег (СС, т. 5, с. 155): «Лежа лбом к стенке, он пробовал слабеющими мыслями развязать и сбросить с себя день... Но связи путались и стягивались узлами, и тесный день продолжал охватывать мозг».

¹⁹ *Полушка* — название мелкой монеты (чаще всего равнялась 1/4 копейки). Последние полушки отчеканены в России в 1916 г.

²⁰ *Обетную свечу* — по народному календарю на Украине, в Белоруссии и в западных областях России 15 февраля отмечали «Громницы», праздник встречи зимы с весной, посвященный языческому богу весны Громовнику. Весну в этот день встречали песнями-**веснянками**. Праздник, связанный с культом огня, совпадал с православным праздником Сретения Господня, заменившим поклонение огню на чествование свечи. Несколько дворов в деревне объединялись, чтобы топить воск на общинную свечу, которая именовалась также обетной. В праздничную ночь процессия с общей иконой и общей обетной свечой по очереди обходила все избы. Громничная, или сретенская, свеча обычно наращивалась несколько лет подряд. Когда она достигала пуда — шестнадцати килограммов, ее сдавали в церковь. Свечу могли попросить, чтобы отслужить молебен на дому, причем за очередностью таких просьб строго следили. Громницу давали в руки покойнику в минуту кончины, чтобы ее пламя помогло человеку в загробных

сладившись²¹, и держут ее вместе, пальцы к пальцам. Так вот, мы с вами братья по свече. Друзья по негаснущему думанию. Хотя и не знаем друг друга, ни разу не видели один другого, и вряд ли увидим.

Итак: люблю гулять по ночам. Днем, когда пространство заполнено лучами солнца и по всем излучиям города кружение колес и дёрги шагов, время слабо ощутимо. Оно — лишь тень пространства. Но вместе с ночью, когда вещи, живые и мертвые, бездвигутся, тень выступает на место вещи, тем самым оттесняя ее в сны, в тенеподобную жизнь²². Над пустыми

мытарствах. Дольше всего почитание свечей сохранялось в Белоруссии, у русских этот обычай утрачен. — См. «Громницы» в «Википедии».

²¹ В машинописи: «слодившись», что допускает вариант «сложившись».

²² Ср. стихотворение С. Д. Кржижановского «Magnus Contemplator» (ок. 1918): «Quod est finalis Causa? — он пишет, / И видит: тени пали от идей; / Из теней мы. И нас в волнах колышут / Удары Логоса немеркнувших лучей», написанное под влиянием строк Вл. Соловьева (1895): «Милый друг, иль ты не видишь, / Что все видимое нами — / Только отблеск, только тени / От незримого очами?» Тема противостояния и переплетения нумена и феномена, вещи и тени, реальности и сна проходит сквозь все творчество Кржижановского. Ср. Страна нетов (1922), СС, т. 1, с. 266: «...нельзя сказать с уверенностью, существует ли тенное тело или не существует. Правда, неты учат своих малых нетиков, что тени отбрасываются какими-то там вещами, но если рассудить здраво, то нельзя с точностью знать, отбрасываются ли тени вещами, вещи ли тенями — и не следует ли отбросить, как чистую мнимость, и их вещи, и их тени, и самих нетов с их мнимыми мнениями»; Там же, с. 276: «Я покинул нетовую страну, где тени отбрасываются вещами, а вещи отброшены тенями... Снова пересек я миры: мир теней без вещей; мир вещей, оброненных тенями; мир теней, трусливо дрожащих у подножия вещей (здесь я окончательно простился с моими знакомцами нетами), — и наконец достиг страны, где вещи без теней: здесь все было залито не покидающим зенита светом»; Философема о театре (1923), СС, т. 4, с. 50—51: «Но вещи, которые легко мыслимы без теней, которым тени для их бытия не нужны и излишни, все же неизменно обрастают движущимися пятнами теней. Нумен, вещь в себе, которой достаточно себя для себя, все же вопреки всяким логикам и мыслимостям, обрастает феноменами... Брошенные из мира сутей в мир возникающих и никнущих явлений, мы продолжаем относиться к ним, как к сутям: свои представления принимаем за вещи. Но переставив их с земли на помост сцены, из мира явлений в мир явления явлений, мы и относимся к представлениям,

улицами горят циферблаты часов. И время, шевеля остриями черных стрел, как вот я сейчас острием пера, вписывает свои мысли в тьму.

Наше время — это время времени. Мы отказались от захвата пространств, от аннексии территорий. Но мы захватили себе время, аннексировали эпоху. И эта новая социалистическая собственность должна быть тщательно и додонно изучаема. Я это делаю, как умею.

как к „представлению“, не ища за этим сном во сне никаких вещей»; Штемпель: Москва (1925), СС, т. 1, с. 532: «Тени, в отрыве от вещей, быт в отрыве от бытия — бессильны и мнимы. Ведь быт — „и я“ бытия; своим „я“ он не богат. И если уж отрывать от вещи тень, от бытия быт, то незачем останавливаться на полпути; надо, взяв быт, оттяпать ему его тупое „т“: бы — чистая сослагательность, сочетанность свободных фантазмов, которые так любит А. Грин, — вот первый выход из мира теней в мир прихотливой романтики; бытие, в которое, как слог, как ингредиент, включен быт, — вот второй выход из „обители теней“: он известен, пожалуй, лишь одному Андрею Белому»; Боковая ветка (1927—28), СС, т. 1, с. 491: «Леди и джентльмены, сници и сны, / Солнце — лишь грош из рваной сумы... / Жизнь — слань теней, лёт лет над Летой. / Уснуть-умереть: „За власть поэтов“»; Швы VI (1927—1928), СС, т. 1, с. 407—408: «Мне позволены только тени от вещей; вещи вне моих касаний... Мне невыгодно, понимаете, невыгодно повторять вслед за всеми: тень отброшена вещью. Нет, в моем минус-городе, в призрачном, минусовом мирке имеют смысл лишь минус-истины, — лишь упавшая на свою вершину правда. Следовательно: вещь отброшена тенью... Если оттуда, из иного мира, не дано мне ничего, кроме поверхностей, теней, лжей и обложек, то и я вправе заподозрить, что под всеми их обложками — лжи, и что все их вещи — тени моих теней»; Сэр Джон Фальстаф и Дон-Кихот 4 (1936), СС, т. 4, с. 346: «Дон Кихот бьется за иллюзии, за сны против яви. Сэр Фалстаф... знает, что пробуждение всегда побеждает сон, что не тени, как бы ни прекрасны были они в своем силуэтом контуре, отбрасывают вещи, а вещи отбрасывают тень... Иллюзии Фальстаф противопоставляет иронию, теням — реальные... вещи»; Фрагменты о Шекспире (1939), СС, т. 4, с. 375: «Дон Кихот рассказывает раскрывшим рты от изумления слушателям о тенях людей, населяющих таинственную пещеру. Тени эти, однако, действуют по закону солнца»; Там же (Шекспир и пятиклассник), с. 383: «Раньше казалось все так просто: вещи отбрасывают тени, а теперь получилось: тени отбрасывают вещи, а может быть, вещей и вовсе нет, а есть лишь „вещи в себе“. Но как же тогда существуют тени? И значит, „я“ — тень...»

Глубокоуважаемое негаснущее окно, я часто беседую с вами, стоя на противоположном тротуаре. Никто нам не мешает, кроме редких голосов пьяниц и набегающего грохота ночных грузовиков. Время мне представляется то вихрем секунд, то водопадом, падающим вниз: в грядущее²³. Если у ветра секунд хватило баллов, чтобы сорвать с меня шляпу (а иным это стоило сорванной головы), то значит ли это, что я раскланялся с революцией?²⁴ Вот в этот вопрос — как капля в камень — и вдалбливаются все мои мысли.

Сейчас надо жить, распрямясь во всю душу. Уровень жизни так поднялся, что подбирается к горлу. Легко стать утопленником смысла. Но что делать тем, чья душа старчески ссутулена? Или горбатому? Обращаться — как консультирует по словица — за помощью к могиле?²⁵ Очевидно, так.

Вы не отвечаете, окно. Вы молчите светом. Хотя как-то на днях мне показалось, что я получил от вас, именно от вас, строку в три слова. Строка золотилась круглыми буквами по черной дощечке: «Уходя, погаси свет»²⁶.

²³ Таким образом, в представлении автора время течет из прошлого в будущее, сверху вниз.

²⁴ Ср. Записные тетради II (СС Т. 5, С. 366): «Слова персонажа: „Вихрь революции сшиб с меня шляпу: будем считать это за поклон“».

²⁵ Ср. «Горбатого могила исправит». — *Даль В. И.* Пословицы. Т. 1, С. 445: «От старости зелье — могила», Там же, с. 551: «От старости — могила лечит...», там же: «Упорного вылечит дубина, а горбатого могила».

²⁶ Ср. Фрагменты о Шекспире, СС, т. 4, с. 358: «В сущности, все сокращенные заглавия, которые мы читаем над входом в автобус, в магазин, в библиотеку, в музей, — всегда содержат в себе момент заглавности: „Уходя, гаси свет“ (пригодно для новеллы о фашистском режиме) — ... „Столовая закрыта на обед“ (комедийный сюжет времен НЭПа) — „Остановка по требованию“ (тема самоубийства)». Ср. Красный снег, СС, т. 5, с. 152: «Шушашин хотел было толкнуть дверную ручку, но дорогу ему перегородил кусок картона, подвешенный на шпагате: „Столовая закрыта на обед“».

Почтальону.

Товарищ почтальон, это письмо не надбавит шагов к вашей ходильной работе и не сделает вашу сумку тяжелее ни на единый грамм. Боюсь, только, что привычка носить письма заставит вас отнести и эти строки к себе на квартиру. Но я советовал бы вскрыть его немедленно, прочесть и выбросить: в ближайшую урну.

Я очень уважаю труд почтальона. По-моему, между словами «почта» и «почтенная» есть даже какое-то родство²⁷. И всё-таки, я утверждаю — только не торопитесь обижаться — что ни одно письмо ни до кого, никогда и ни разу не дошло. Полностью. До последнего своего смысла.

Разумеется, я не хочу этим хоть в самой малой степени порочить работу почтальона. Почтальон добросовестно стучится в дверь. Но стучать в сердце и достучаться до него — это не входит в круг обязанностей письмоносца.

Почтальон вручает конверт. Но уверяю вас, что письму со штемпелем «Владивосток», врученному в Москве, предстоит гораздо более длинный путь, чем тот, который оно уже пределало.

Мы ликвидировали, или почти ликвидировали неграмотность. Это очень хорошо. Кто спорит? Но что мы сделали для ликвидации духовной неграмотности? Ведь все мы понимаем друг друга по слогам, еле-еле, не умеем читать чужое чувство, суть, спрятанную в букве.

И всё-таки, я угадываю в вас, мой случайный адресат, некое ощущение обиды, а то и скуки, которая вот-вот — через секунды — швырнет мое письмо прочь. Потерпите еще пару строк. Дело в том, что по мере того, как в чернильнице — капля за каплей — убывают чернила, в пишущем — рюмка за рюмкой — прибывает водки. Вы сами, вероятно, иной раз не прочь. Ваше здоровье. Недавно, после двух флаконов, я взял да и написал открытку Господу Богу. Так и заадресовал: «Богу.

²⁷ Ср. Записные тетради II (СС Т. 5, С. 358): «Почтенный (от — почта)».

В собственные руки». Ей-богу. И идя за третьей склянницей²⁸ опустил открытку в ящик. Проспавшись я и забыл о ней, но она обо мне нет. Через два дня получаю письмо обратно со штемпелем: «За ненахождением адресата»²⁹. Скажите после этого, что наша почта не четко работает. Ваше здоровье.

Но о чем бишь мы? Ах, да, о конвертах. Мысли боятся солнца, оддергиваются от нахлеста лучей. Впрочем и я, кажется, нахлестался. Перед глазами рябь какая-то и прыг пятен. Да, сперва мысль под теменем, в костяном конверте, потом в бумажном конверте. И легче проломить костяной, чем вскрыть — пойми ты, вскрыть — бумажную кожуру до... Фу ты черт, мысли шатаются, как пьяные. И чернильница почему-то на полу. Чернильница. Не догнусь. А перо всхт-³⁰.

4.

Невольный переулоч, д. 16, кв. 1.

Госспирты³¹ стали открываться почему-то только в 11. Вышел в 10 и принужден был бродить, пока не снимут железной

²⁸ Склянница — штоф, бутылка для вина или водки. Ср. *Даль В. И.* Пословицы. Т. 1, с. 277: «Охоча старіца до скляницы».

²⁹ Ср. Записные тетради II (СС Т. 5, С. 349): «Письмо адресовано: „До востребования Господу Богу“. Не востребовали. Назад с надписью: „За ненахождением адресата“».

³⁰ Автор намеренно сделал это последнее слово на стр. 6 машинописи неразборчивым и оборванным. Оно составлено из четырех случайных букв и добавленного к ним знака переноса. Следующая, пронумерованная седьмая страница исправно начинается следующим, четвертым письмом.

³¹ Центральное управление государственной спиртовой монополии (Госспирт) ВСНХ РСФСР (1918—1925 гг., Москва). В 1918—1921 гг. именовалось Центроспиртом и Главспиртом, с 17.12.1921 г. переименовано в Госспирт. Учреждено для того, чтобы на началах государственной монополии производить, хранить и реализовывать этиловый спирт и спиртопродукты. Ликвидировано 8.07.1925 г. Ср. газета «Псковский набат» (6.10.1925): «Продажа водки началась вчера в городе... У магазинов Госвинсиндиката и Госспирта стояли громадные очереди».

решетки. Сперва пошел по Варгунихиной горе и постоял рядом с обезглавленной единоверческой церквушей³². Внизу, где раньше был голый берег, теперь веселый зеленый сквер. Если всмотреться, за Москвой-рекой и за Бережками виден черный циферблат Брянского³³. Золотая стрела тянула по его кругу минуты медленно и натужно, как носильщик, работающий сразу на двоих пассажиров³⁴. Потянуло ветром. Я повернул ему спину и вошел в Варгунихинский переулочек. Несколько колечатых поворотов³⁵ и неожиданно для себя я очутился в незнакомой улочке, обставленной одно и двухэтажными домиками. Ничего в ней не было, останавливающего внимание. Как и все другие. Только вот название — белыми буквами по синему фону: «Невольный переулочек».

Вас еще нет здесь, человек, которому пишу. Нет уже потому, что домов у переулочка всего четырнадцать, а № 16 только строится, растет кирпичами вверх. Мне не хочется, чтобы это письмо дошло слишком скоро. Пусть оно доберется до ваших глаз вместе с будущим, о котором сейчас думаю.

Невольный переулочек: четырнадцать с половиной домов, а вот мне показалось — на минуту показалось — будто длится он³⁶, выкручивая колена из колен, сквозь всю Россию,

³² *Единоверческой церквушей* — ц. Николая Чудотворца Николо-Смоленской старообрядческой общины, построенная в 1914—1915 г. Закрыта в 1931 г. (здание передано под клуб завода «Напильник»), снесена в конце 30-х годов. Варгунихина гора находилась на Смоленской набережной рядом с Бородинским мостом (срыта после войны).

³³ *Брянский вокзал* — после 1934 г. переименован в Киевский вокзал.

³⁴ Ср. *АНДРЕЕВСКИЙ*. Повседневная жизнь Москвы, с. 25: «В окне часового магазина на Кузнецком Мосту (бывший „Павел Буре“) был выставлен большой земной шар с часовым циферблатом. Цифра „12“ на нем была красной. Справа часовую стрелку к этой цифре подтягивали веревкой четыре фигуры: рабочего, китайца, индуса, негра. С другой стороны стоял Ленин с факелом в руке, и красное пламя обвивало весь земной шар. Надо все эти красовалась надпись: „Близок час всемирной революции“».

³⁵ Ср. ветер, несущий рассказчика по переулочкам, в «Красном снеге».

³⁶ Ср. *БЕЛЫЙ А.* Африканский дневник (1911): «На желтеющем башенном кубе рождается в небе песков — удлинение башенки...; то — все минарет; он трехъярусен: принадлежит он, должно быть, мечети, которой вто-

и будто не счесть невольных вселенцев его, таких вот как я. Ведь я и мне подобные, а нас не так уж мало, все мы живем в Невольном переулке истории³⁷.

Что мы сделали, чтобы пришла Она, вы знаете о чем я говорю. В лучшем случае мы выкликали ее, как в деревнях выкликали весну. Веснянками³⁸. И веснянкам нашим нужна была в сущности так, веснишка. А пришла весна, пугающе юная, настоящая весна. Цветение её слишком ярко для наших глаз. И мы прячем глаза под консервы³⁹. «Оханьем поля не перейти»⁴⁰ — а мы хотели перейти его именно... оханьем. В то время, как другие, подымая на плечи тяжелые плиты дней, мостили ими дорогу в революцию, подлинную дорогу гигантов, мы отрывали календарю легонькие листочки, изредка лишь взглядывая на сколько секунд прибавилось солнце и что на сегодня предлагает отрывной: бульон с гренками или раковый суп.

Да, какой может быть праздник в Невольном переулке. Невольный. Какая радость? «Нечаянная», как озаглавил её еще Блок⁴¹. А жить можно только чайным, бытие с чужого плеча — небытию сосед. И все мы, как это учили нас в шко-

рой минарет (однорусный) просто *длинится* под бурое облако пыли».

³⁷ Ср. Записные тетради II (СС Т. 5, С. 359): «Все мы живем в Невольном переулке».

³⁸ *Веснянки-заклички* — календарные обрядовые песни у украинцев, белорусов и части русских. Ср. *выше*, прим. 20.

³⁹ *Консервы* — очки-консервы (goggles), защитные, облегающие очки. Ср. *АНДРЕЕВСКИЙ*. Повседневная жизнь Москвы. С. 92—93: «В 1924 году по Москве стали ходить „такси“, а в 1925 году появились „таксомоторы“ французской фирмы „Рено“... Лев Славин описывает московских таксистов в июньском номере «Вечерней Москвы». Он пишет о том, что племя шоферов основалось на Страстной площади. Обычно их человек тридцать. Всегда одни и те же. Прокатных машин в городе не более ста... На шоферах (шофферах, как тогда писали) в любую погоду кожаные костюмы, в зубах трубка, на лбу „очки-консервы“».

⁴⁰ Ср. *Мухослон*, СС, т. 1, с. 219: «Душа мухи порешила так: „Оханьем поля не перейти“».

⁴¹ Блок А. Нечаянная Радость. Второй сборник стихов (М.: Скорпион, 1907).

де, — «возль», «нынть», «подль»⁴². А что подлее «подль»?⁴³ Из него «вчужть». Это для меня стало теперь — «посль» — «въявь», и исход лишь в том, что — «вкратць», «вскорть»⁴⁴... Но зачем об этом так вот, «вообще»...

⁴² Обыгрываются наречия на букву ять, которые гимназисты должны были заучивать наизусть. Ср. Материалы к биографии Горгиса Катафалаки 2 (1929), СС, т. 2, с. 267: «Никакие отсихпоры и досихпоры, „возль – нынть – подль – посль“, заколачиваемые учителями, точно тугие пыжи, в мозг Горгиса, не держались в нем никак». До реформы орфографии русского языка 1918 года всем обучающимся письменной русской речи необходимо было заучивать слова, в графической форме которых была буква „ять“. Ср. также ГОВОРОВА, Вера Андреевна. Из дневника (о годах обучения в гимназии уездного города Севска): «Хорошие учителя у нас были редко. Вот, например, Венедиктова, учительница русского языка, гроза гимназисток 1—4 классов... Требуется зубрежки всех правил грамматики. В классе мёртвая тишина. Вот она открывает журнал, поднимает руку с пером и держит её над фамилией вызванной, как дамоклов меч над головой девочки. Потом вопрос к ученице, например, „Назови наречия на букву ять“. Наверное, до смерти все её ученицы будут помнить это правило из грамматики Пуцыковича. Помню его и я: „Возль, нынть, подль, посль, вчужть, въявь, вкратць, вскорть, вьрно, рьдко, непремьнно, гдь, отмьнно, внь, совсьм, слъва, нтькогда, нигдь, нигдь кроме, вдалець и вдвойнть, вчернть, соборнть да птьшком, наединть. Оттоль, отсель, отколь, дотоль, досель, доколь“. Стоило девочке на секунду остановиться или переставить слова, как уже в журнале стояла жирная единица, и вызывалась следующая жертва»; ЗАЗУБРИН В. Я. (1895—1938). Два мира (1921): «Колпаков лежал в беспамятстве... [Он] плакал в бреду, как мальчик. — Иван Иванович, за что вы мне двойку поставили? — умоляющим голосом, всхлипывая, спрашивал больной. — Ведь я же знаю все наречия на ять. Колпаков бормотал, как школьник, хорошо выученный урок: — Возль, нынть, подль, посль, гдь, отмьнно, внь, совсьм, вдвойнть, втройнть, вчернть, наединть. Иван Иваныч, я и на „е“ знаю, поставьте мне три, ну хоть с минусом. Иван Иваныч, — молил больной офицер. — *Вовсе, прежде, еще, крайне, втуне, вообще.* Коренные слова знаю, знаю, — вдруг весело закричал Колпаков и зачистил: — *Бльый, бльдный, бльдный бльсь побльжал за рьдькой в льсь...* Ой, папа, не бей! Я не останусь на второй год. Я выдержу переэкзаменовки. Больной снова заплакал. Мотовилов молча ел. Бред Колпакова напомнил ему то время, когда он учился в кадетском корпусе»; ВАСИЛЕНКО И. Д. (1895—1966). Жизнь и при-

Вот я вижу вас в вашем зеленом бумажном окошечке. Ваши плечи выдвинуты над рубчатым подоконником, а поднятая вверх голова охвачена суконным шлемом⁴⁵. Вот я вас приклеиваю к письму вам же адресованному. Я, человек не

ключения Заморыша (М.: Дет. лит., 1964): «Я сел за уроки. Решал задачи, переписывал в особую тетрадочку наречия с буквой ять — *возль, нынть, подль, послъ, вчужть, въявь, вкратцъ, вскорть*»; СКРЕБИЦКИЙ Г. А. (1903—1964), *От первых проталин до первой грозы*: «Ну, дурёха, вызубрила? Отвечай наречья! — *Возль, нынть, подль, послъ, вчужть, въявь...* — начала взрослая девица сначала громко, потом всё тише и тише»; МАРШАК С. Я. *Возле, ныне, подле, после...* // Подъем 1987. № 12. С. 120—124.

⁴³ Ср. ПЕРЕМИЛОВСКИЙ В. Новое или старое правописание? / Къ вопросу о старой и «новой» орфографіи (Jordanville, N. Y.: Holy Trinity Monastery, 1962). С. 17: «Въ нашемъ дореформенномъ письмѣ мы имѣли иногда возможность корректировать неточность устной рѣчи (*тѣмь* и *темь*; *прѣніе* и *преніе*; *подльи* и *подлей*; *въ моръ* и *въ море*; *сьи* и *сей*). А съ новой орфографіей становятся омонимами, т. е. одинаково читающимися, и такіе слова, которые различаются въ произношеніи (*тѣшу* и *тешу*; *осѣни* и *осени*; *сьль* и *сель*; *сьла* и *села*; *сьло* и *село*; *смѣль* и *смелъ*; *мѣчу* и *мечу*; *жельзка* и *железка* и т. д.)».

⁴⁴ Мнемонические цепочки, затверженные с гимназических времен, навсегда оставались в памяти. Помимо приведенных выше литературных реминисценций относительно наречий на ять ср. организованные в стихотворение 19 модусов силлогизмов *Bárbara, Célarént, Darii, Ferióque prióris* у Кржижановского в «Красном снеге». Ср. также цепочку из латинских существительных (*puer, socer, vesper, gener*) и прилагательных (*liber, miser, asper, tener*) мужского рода на *-er* и *-ir*, относящихся ко второму склонению и удерживающих «е» во всех падежах у И. Ильфа и Е. Петрова в «Золотом теленке» XVII: «— Как же вы утверждаете, что бога нет, — начал Алоизий Морошек задушевым голосом, — когда все живое создано им! — Знаю, знаю, — сказал Остап, — я сам старый католик и латинист. *Пуэр, соцер, веспер, генер, либер, мизер, аспер, тенер*. Эти латинские исключения, зазубренные Остапом в третьем классе частной гимназии Илиади и до сих пор бессмысленно сидевшие в его голове, произвели на Козлевича магнетическое действие. Душа его присоединилась к телу, и в результате этого объединения шофер робко двинулся вперед». Благодарю В. Г. Перельмутера, указавшего мне на еще одну параллель: слова-исключения на ять отмечают этапы

умеющий ни к чему приклеиться⁴⁶. Бесклеяное существо. Бесклеяное, но келейное.

Я завидую вам. Это благородная профессия: отдавать жизнь не минутами и не часами, а сразу всю, не раздробью, а целиком. Загородить своим трупом свое от чужого. Я тоже, собственно, кандидат в трупы. Потому, что живой перегораживаю дорогу своему к своему. Логика требует: убрать⁴⁷. Но кроме логики есть еще и...

экзистенциального нисхождения-умирания духа в «Квадрате Пегаса». См. ПЕРЕЛЬМУТЕР В. Г. СС Т. 1, С. 596; а также КАЛМЫКОВА, Вера. Поэзия и „тайна личности“: случай Сигизмунда Кржижановского // Toronto Slavic Quarterly 20 (2007); Шуберт А. Н., Корниенко О. А. Ритм в новеллистике Сигизмунда Кржижановского / Русская литература. Исследования: Сб. научных трудов. Вып. 13 (Киев: СПД Карпук С. В., 2009). Ср. ВИНИЦКИЙ С. Введение в дореформенную орфографию: «Как исключение, ять пишется вместо звука „ё“ в словах: звѣзды, гнѣзда, сѣдла, издѣвка, смѣтка, медвѣдка, вѣшка, вдѣжка, цвѣль, обрѣль, зѣвываль, надѣвываль, надѣванъ, запечатлѣнь, подгнѣта» (http://imwerden.de/pdf/winitsky_vvedenie_v_orfografiyu.pdf); БЕЛИНСКИЙ В. Г. (1811—1848). Русская грамматика Александра Востокова. Изд. 6, испр. СПб. В тип. императорской Академии наук. 1844 // Отечественные записки 1844. XXXV, № 8. С. 72—75: «Обыкновенно думают, что [ять] ставится там, где не может быть звука ё; но употребление, которое выше и законнее всех грамматик в мире, давно уже смеется над этим правилом, заставив нас выговаривать слова гнѣзда, сѣдла, даже иногда звѣзды, как гнѣзда, сѣдла, звѣзды»; Кин В. П. По ту сторону (1928): «Сколько я муки из-за буквы ять принял! Звѣзды, гнѣзда, сѣдла, цвѣль, надѣван, прибрѣль. Обязательно что-нибудь пропущу. Учитель был такой сукин сын. „Где, кричит, у тебя сѣдла? Повтори сначала. Жуканов Филипп!“ Повторю, а он опять орет: „А куда ты девал надѣван?“»; Ильф И., Петров Е. «Любовь должна быть обоюдной» (1934): «— Тут я вам месяц назад подбросил свой романчик... — Как называется? — Гнѣзда и сѣдла».

⁴⁵ Скорее всего, имеется в виду марка «Красноармеец» — одна из первых стандартных марок СССР. Выпускалась в 1923—1927 гг. номиналом от 1 коп. до 5 руб. золотом. На марке — профиль красноармейца (изображение основано на бюсте работы И. Д. Шадра, запечатлевшего характерный физиогномический тип). См. также: Почтовые марки России и СССР (1857—1991 г.г.). Специализированный каталог, т. 2 (РСФСР, СССР 1923—1960 гг.). Сост. и ред. В. Ю. Соловьев [Ред. 2006/07] (М.: ИздАТ, 2006), с. 22—27.

⁴⁶ СЕЛИЩЕВ А. М. Язык революционной эпохи, С. 106: «Каждая партия имеет среди своих членов не только лиц, солидарных во взглядах, но и лиц, вошедших в состав партии ради каких-нибудь выгод. Это — примазавшиеся.

Сперва, когда это случилось, пробовал вместе с другими. С вами. Голосовал, заседал, говорил речи, одним словом — во все открытые двери. Но как-то рабочий один, лицо у него было похоже на ваше, отслушал одну из моих речей и сказал: «с февралевой душой, да в октябрьские дела»⁴⁸. Занозил он меня. Обидно. Но обиднее обиды то, что верно.

Конечно, было много и другого. Не сразу я понял, что вот скачу задом и передом, а дело своим чередом⁴⁹. Ну а там руки плетью⁵⁰. И к чему, в самом деле, вставлять палки в колесо катафалка, на котором тебя везут. От людей я отошел и завел дружбу с бутылкой. Пью.

Примазывались многие и к коммунистической партии, входя в состав ее или становясь *сочувствующими* ей. «После революции он *примазывается* к партии» (Правда, № 285. 1924). В первые годы после *Октября* часто говорили: *примазываются, примазавшийся...*»

⁴⁷ Ср. Бернард Шоу, его образы, мысли и образ мыслей 5 (1935), СС, т. 4, с. 536: «Вывод, умозаключение „S“ есть „P“ несет в себе все термины посылок, за исключением среднего (M), из вывода как бы выпадающего... В школьном примере первой фигуры силлогизма: все люди смертны (большая посылка), Кай — человек (малая посылка), следовательно, Кай смертен (вывод). В выводе выпадают „люди, человек“»; *Красный снег* (1930), СС, т. 5, с. 158: «Если ваш талон M не отрезан, можно получить средние термины. Торопитесь, термина может не хватить... Средний термин предположено, в целях рационализации, унифицировать... Ведь M в „S есть P“ все равно никогда не попадает, следовательно, не все ли равно, какое оно там»; Записные тетради III (СС Т. 5, С. 403): «M (средний термин): человек».

⁴⁸ Противопоставлены Февральская (буржуазно-демократическая) и Октябрьская (большевистская) революции 1917 г. Ср. *СЕЛИЩЕВ А. М. Язык революционной эпохи*, С. 192: «*Октябрь* — это не только название месяца, но и обозначение октябрьской революции... *Октябрь* — это синоним вообще „революции“, синоним „могучего“, „лучшего“... „Пусть для этой перспективы нужны *октябрьские* усилия...“ (Правда, № 134. 1925). „Дать растущему активу четкие задания, идейные вехи, *октябрьские* методы и *октябрьский* энтузиазм борьбы и работы“ (Правда, № 134. 1925)». Ср. Записные тетради II (СС Т. 5, С. 342): «С февралевой душой да в октябрьские дела...»

⁴⁹ *Даль В. И. Пословицы*. Т. 1, с. 239: «...скачет баба и задом и передом, а дело идет своим чередом».

⁵⁰ *Руки плетью [повесить]* = смириться с обстоятельствами, отказаться от сопротивления.

Теперь даже детишки с нашего двора, увидев меня, кричат: «дяденька красный нос». Ну что ж, лучше красный нос, чем нос по ветру⁵¹. Как вы полагаете, человек на марке?

6.

Арбат, 51. 3-й этаж.
Негаснущее окно у правого подъезда.

Я опять к вам, окно. Наверное, вы писатель. Кому другому бодрствовать у ночной лампы. Признаться, я не люблю наших писателей. Одинаковые какие-то и все про одно. Жизнь выбросила уйму тем, сюжет на сюжете и сюжетом погоняет. А они трусят сюжета⁵². Только у них и темы, что, мол, не темы⁵³. Правильно. Ну а дальше?

⁵¹ Ср. Записные тетради II (СС Т. 5, С. 357—358): «Общество трезвости „Красный нос“... Лучше уж красный нос, чем нос по ветру».

⁵² Ср. Записные тетради III (СС Т. 5, С. 372):

«Мир есть сюжет.
Несюжетно нельзя создавать.
Бессюжетность бытия».

Книжная закладка (СС Т. 2, С. 583—584): «Говорят,— продолжал он, вдруг повысив голос и блуждая взглядом по вспыхивающим навстречу ночи оконным квадратам, — что нет тем, что мы на бестемье... а между тем от этих проклятых тем... некуда ни спрятаться, ни уйти. Темы?! Вы говорите, их нет. А мне вот ими мозг изгвоздило. И в сне, и в яви, из каждого окна, из всех глаз, событий, вещей, слов — роями: и каждая, самая махонькая, роняет жалом. Жалом! А вы говорите...»

⁵³ Кржижановский любит словесную игру, используя анаграммы, логогрифы и пр. Здесь — пример омофонии. Ср. Якоби и якобы (1919), СС, т. 1, с. 117: «Фихте... значит „сосна“ и придуманное точно со-сна напрасно трактуется им как действительность»; там же, с. 118: «...грядет вера с севера и возглаголят языцы: се вера». Ср. ДОСТОЕВСКИЙ Ф. М. Братья Карамазовы. Ч. 2. Кн. 5. 1: «Мама, говорит, я помню эту сосну, как со сна» — то есть «сосну, как со сна» — это как-то она иначе выразилась, потому что тут путаница, «сосна» слово глупое, но только она мне наговорила по этому поводу что-то такое оригинальное, что я решительно не возьмусь передать».

Чернильницей, вы, писатели, пользуетесь так, как осьминог своим чернильным мешком: для самозащиты. Замутит свое вокруг и «отмежевался». И каждая последующая книга удирает от предыдущей. С осьминогим проворством.

В общем не то литература, не то игра в пёрышки⁵⁴ и пятнашки: чуть пошалил пёрышком, сейчас тебя и запятнают. И опять сначала.

Но у вас, наверное, свое окно в мир и вы поймете меня.

Сам я, разумеется, никакой не писатель, а так... записыватель. Если какой-нибудь образ увяжется за мозгом и начинает преследовать меня, я иду на него с пером, как с рогатинкой. Вот, например, выписываю подряд⁵⁵, не пробуя суразить несуразицу:

* * *

— Подтянитесь, — сказали человеку. «Хорошо», ответил тот, пошел и повесился⁵⁶.

Покойный был лъстюга⁵⁷. Он даже и в петлю попробовал без мыла пролезть⁵⁸.

⁵⁴ Труд «работников пера» приравнивается к забаве гимназистов и школьников — игре «в пёрышки» (перья от перьевых ручек). Правила игры требовали с помощью своего пера щелчком перевернуть перо противника на «спинку», а потом тем же приемом вернуть его в исходное положение. Если это удавалось, перо выигрывалось.

⁵⁵ *Выписываю* — скорее всего, Кржижановский в буквальном смысле приводит здесь выписки из своих *Записных тетрадей*.

⁵⁶ Ср. Записные тетради III (СС Т. 5, С. 372):

«— Надо подтянуться, — сказали человеку.

— Пожалуй.

Человек намыллил петлю и... подтянулся».

⁵⁷ Ср. Записные тетради II (СС Т. 5, С. 344): «Лъстюга».

⁵⁸ Ср. Записные тетради III (СС Т. 5, С. 384): «Совет висельнику: без мыла в смерть не лезь».

Сначала повесничал, а после повесился.

Не будет преувеличением, если сказать о висельнике: он в натянутых отношениях с жизнью⁵⁹.

* * *

Ну и так далее, около дюжины вариантов: вроде вариаций Шуберта на тему⁶⁰. Сiju и придумываю, пока не перепротивню противное. Тогда легче как-то. Но вам, другу бессонниц, я хочу предложить одну тему. Пожалуй, даже две. Не откажитесь от скромного подарка. Ведь всякая мысль, всякий замысел тянется к форме. У меня её нет. Но там, под желтым светом вашей лампы, авось замыслам не будет отказано в том, о чем они просят.

Первая тема, в сущности, и не придумана, а наблюдаена. Ещё в молодости я знавал одного любопытного старика крестьянина. Звали его Захар. Про свою старость — а было ему под 80 — он говорил, что она обижает его. Именно обидчивое отношение к своей немочи, к грузу годов, отнявшему возможность работать в поле и по хозяйству, заставило Захара покинуть избу и разросшуюся семью и уйти в сторожа. Сторожил он где-то под городом, на складах⁶¹. Работа не требовала му-

⁵⁹ Ср. Записные тетради I (СС Т. 5, С. 329): «...в натянутых отношениях с жизнью (V. о натяжении веревки висельника)».

⁶⁰ Ср. ШУБЕРТ Франц. Forellenquintett, IV часть. Тема и вариации на тему песни *Форель*.

⁶¹ Под Киевом, на кооперативных складах работал сторожем сам Кржижановский. Видимо, это его личное наблюдение: «...я тогда был молод» (ср. «Если *факт* мой подойдет вам, советую подлитературить его»). См. КРЖИЖАНОВСКИЙ С. Д. Заявление Тройке Фрунзенского района по выдаче паспортов от 22.03.1933, РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 99, л. 1: «В Москве проживаю с 1922 г.; до того времени жил по преимуществу в Киеве. Моя политическая безупречность за все время с Октября ни разу не ставилась

скульной силы (тряси колотушкой и только). Нужна была лишь способность бодрствовать: от всех вечерних до всех утренних зорь. Старик и так спал чрезвычайно мало, легким и будким сном. Теперь, честно выполняя обязанность, он стал жить на сплошном бдении.

Во время ночной работы он иной раз как бы прикручивал фитиль сознанию, но никогда не гасил его. С первым брезгом⁶² старик проделывал несколько вёрст, отделявших склады от его дома. Здесь он тоже никогда не ложился. То присядет на зава-линке, подставляя голову теплому солнцу, то помогает сыну в какой-нибудь легкой работе, то подшивает лапоть, штопает валенок или одежду. А с вечерними сумерками опять на ра-боту.

Я был тогда молод, платил сну третью жизни — полно-стью, и для меня был крайне занимателен и непонятен этот своего рода феномен. Не раз я спрашивал Захара, как ему уда-ется жить врозь со сном. Старик, ясно улыбаясь, отвечал:

под подозрение. Никогда и нигде меня не только не арестовывали и не су-дили, но не привлекали даже к опросу по каким либо политическим де-лам. Служил только в советских учреждениях, в период же захвата Киева белыми, отказываясь от какого либо с ними сотрудничества, предпочел ра-ботать сторожем на складах кооперативных учреждений (в общем, в тече-нии около 1½ лет)»; *Мстиславский С. Д.* Справка от 21.03.1933, РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 99, л. 4—4 об: «При вступлении моем, в 1919, в долж-ность Председателя Всеукр. Литературного Комитета, мне указали на Си-гизмунда Доминиковича Кржижановского, как на высоко культурного че-ловека, обладающего крупными литературными способностями, — до того времени не использованными им, т. к., уклоняясь от сотрудничества с белыми, он служил сторожем на одном из пригородных кооперативных складов... С лета 1919 года, он зарекомендовал себя чрезвычайно добросо-вестным работником и никаких, малейших даже проявлений нелояльно-сти к Советской власти я никогда в нем не наблюдал. Ни при деникинцах, ни при поляках Кржижановский не состоял на службе у них, несмотря на крайне тяжелое материальное положение».

⁶² Ср. Материалы к биографии Горгиса Катафалаки 2 (1929), СС, т. 2, с. 322: «Осенью 1917-го один из практикантов Гринвичской обсерватории, работавший под раздвинутым в звезды сводом главного павильона, с пер-вым брезгом утра, закончив наблюдение и запись, остановил часовой меха-низм трубы и направился к выходу».

«А что спать-то по мелочам? как-нибудь завалюсь и сразу на веки веков».

Взгляд у Захара был очень зоркий, острый. Он различал породы птиц, присаживающихся на дальних нитях телеграфных проводов. Казалось, несмежаемость глаз надбавляла им силы, а непрерывность сознания уменьшает его рывкость, дает какое-то преимущество перед другими сознаниями, каждодневно обрываемыми сном и снова стягиваемыми узлом при пробуждениях.

Захар говорил мало, но всегда веско и точно. Если ему прекословили, замолчал. Молчал он как-то сверху вниз.

И вот однажды, отсторожив ночь, Захар вернулся — как обычно — к своим. Сперва он посидел под стылым осенним солнцем. Потом, по просьбе сына, взялся за одну из ручек пилы, чтобы помочь ему распилить тележку⁶³. Зубья заходили было, разрывая древесные нити, как вдруг старик отвел руку, отошел к крыльцу и только с порога повернулся к удивленному сыну:

— Иди за попом. Сегодня засну.

Сын стоял оторопело на месте.

— Ну чего испугался, дурак? Делай, что говорят.

Вскоре пришел священник. Захар, успевший одеть чистую рубаху, исповедался и причастился. Сделал распоряжения по хозяйству: починить свинную кровлю до дождей, подоткнуть забор, чтобы ветром не сносило. Затем сел на завалинке. Домашние и соседи опасливо оглядывали старика. Ходили в полшума. Кто-то спросил его: не перейти ли в избу. Старик не ответил. Он слегка поклевывал носом, и тугая зевота растягивала ему рот. Сперва он подоткнул голову локтями. Но так было неудобно. Прилег вдоль завалины и разогнул ноги. Лицо его было повернуто к холодному осеннему солнцу.

Жена робко подошла к спящему:

— Захар Егорыч, пошел бы на полати. Захолодит тут тебя.

⁶³ В машинописи: «телевку». Возможно, речь идет о тележке дров.

Не слыша ответа, она притронулась к опавшей руке спящего. Действительно, его уже заохлодило: смертью.

Ну вот вам одна тема. Может, не побрезгуете. Ну, а другая, не знаю, стоит ли... Лучше отложим. Устал. Если факт мой подойдет вам, советую подлитературить его, кое-что соскоблить, убрать. А то еще какой-нибудь дурак скажет: мистика.

Кстати, давно собираюсь спросить: соседи ваши — за то, что жжете столько электричества — наверно учиняют вам склоку?

7.

Адрес тот же.

Другая моя тема: обо мне. Прилагаю несколько копий моих писем. Написал их по памяти: большинство завалилось в беспомыслие. Материала, конечно, мало. Но всё-таки. Заглавия не подсказываю, сами лучше моего придумаете, но мне, персонажу, хотелось бы: Невольный переулочок.

Письмо это — последнее. Больше не буду беспокоить. Всё бы это, может быть, тянулось бы и тянулось, если б не один пустячнейший случай.

Сегодня утром видел, как в сумятице колес раздавило автомобилем пса. Выдавило кишки и... но не в этом дело. Пес был еще жив. Ему оставалось несколько секунд. Породистый, сильный зверь. Он встал на качающихся ногах, вытянув вперед залитые кровью глаза. Хозяин бросился к нему. Вслед за ним и еще несколько прохожих. И в ответ на протянутые руки пес стал кусать, яростно кусать всё что ни попадало под зубы. Круг людей испуганно расширился. Пёс, издыхая, продолжал лязгать зубами. Его слепнувшие глаза видели перед собой смерть, неминуемую смерть, и он защищался. Защищался до последнего. Мудрый зверь. Потом короткая конвульсия, и все.

Я тотчас же вернулся домой, так и не дойдя до госспиртовой вывески. Невольный переулочок пройден. Теперь я не нево-

лен. И сегодня я чокнусь с судьбой. Но в рюмке моей будет не водка: другое⁶⁴.

⁶⁴ Ср. Фрагменты о Шекспире (1939), СС, т. 4, с. 363—364. Помимо прочего, «Невольный переулочек» обнаруживает лексические и тематические переклички с «Возвращением Мюнхгаузена». Ср. Возвращение Мюнхгаузена: «Когда к Богу ни приди, никогда его нет дома» (СС Т. 2, С. 150); «Льстюга» (С. 161); «Белела груда вскрытых конвертов; сквозь окна марок, пестревших поверх, выглядывали маленькие человечки в красноармейских шлемах и рабочих блузах» (С. 249); «И в яви, и в сне» (С. 251). Схожи и финалы сочинений. Как и автор писем из Невольного переулка, Мюнхгаузен не выдержал столкновения с фантазмагорическим бытием СССР, уничтожившим различие между былью и небылью, и, тем самым, обесмыслившим противопоставление мира сущего и мира вымысла, принципиальное для существования Мюнхгаузена. Барон сохраняет себя, вычеркивая себя из этого мира, хороня себя в книге, становясь из персоны персонажем: «Так вот он, **последний ход, — самим собой**»... Ундинг... опустил сафьяновую крышку переплета... отыскивая место, куда поставить сафьяновый гроб... Книга стала меж чинным Адамом Смитом и «Сказками тысячи и одной ночи»... Обернувшись, Ундинг увидел дворецкого: — Барон не вернется, — бросил он, проходя мимо, — потому что не уходил» (там же, С. 261).

Authors

Larisa Alekseeva has a *kandidat* degree in history and is a senior staff member of the Russian State Literary Museum (GLM). Her dissertation dealt with museum interpretations of the work of Mayakovsky. She works with the Literary Museum's collections on the history of twentieth-century literature, and she is the author of some eighty articles.

Ioanna Delektorskaia, PhD, is a graduate of the Russian State Humanities University. She has worked in the Russian State Museum of Literature (Moscow) and in the Pushkin Museum. She is a member of the executive committee of the Mandel'shtam Society and is engaged in the Mandel'shtam Encyclopedia project. Her scholarly interests include the history of 19th and early 20th century Russian literature, the history and theory of the theatre, and museum pedagogy.

Violetta Gudkova is Doctor of Sciences (Art Studies) and a literature, theatre and text researcher. She is the author of more than 100 articles covering wide areas of art and problems of history of literature, theatre and texts; among these the following works are especially noteworthy: "Theatre of Mikhail Bulgakov and Time", Moscow, 1988; "J. Olesha and V. Meyerhold in the process of production the play *The list of favors*", Moscow, 2002; the preparation of texts, comments and introductory articles of the books: Juri Olesha "The book of farewell" (1999), "Letters of M. Bulgakov to P. Popov" (2003).

Vladimir Khazan teaches in the Department of Russian and Slavic Studies of the Hebrew University, Jerusalem. His main area of interest is the history of Russian emigre literature, on which he has written extensively. His books include *Dovid Knut: zhizn' i tvorchestvo* (Lyon, 2000), *Osobennyi evreisko-russkii vozdukh: k problematike i poetike russko-evreiskogo literaturnogo dialoga v XX veke* (Jerusalem and Moscow, 2001), and *Semen Lutskii: Sochineniia* (editing, compilation and commentary), (Stanford, 2002).

Leonid Livak is Professor of Slavic Languages and Literatures at the University of Toronto. His research interests include modernist studies, exilic studies, comparative literary and cultural studies, Russian-French and Russian-Jewish cultural relations. He is the author of *How It Was Done in Paris: Russian Émigré Literature and French Modernism* (2003); *Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France* (2010); *The Jewish Persona in the European Imagination* (2010); and the scientific editor of *Le Studio franco-russe* (2005). His

current project is devoted to the theoretical reconceptualization of Russian literary modernism in its European historical context.

Viktor Marinchak, PhD, is an Associate Professor in the Russian Department of the Philological Faculty at the Khar'kov National University. His research interests include poetics, poetic semantics, textual analysis, the theory of literature in the light of phenomenology, hermeneutics and axiology.

Aleksandr Mets graduated from medical school in 1968. He is the author of the collection, *Osip Mandel'shtam and His Time: An Analysis of Texts* (2005, 2011) and the compiler-editor of *The Complete Works and Letters of O. Mandelstam* (2009–2011). He lives in Gatchina.

Valery Petroff. DSc in Philosophy. Director of the Centre for Ancient and Mediaeval Philosophy and Science (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences), <http://eng.iph.ras.ru/petroff.htm>

Polina Poberezkina, PhD, is a specialist in the Anna Akhmatova's poetry. She participates in the Internet project *Kluevoslov* (<http://kluev.org.ua>) and lives in Kiev, Ukraine.

Irina Platonova-Lozinskaia is the curator of the M. L. Lozinskii archive and the author of articles on Lozinskii, which have appeared in current journals and in reference editions.

Mark G. Sokolyansky, PhD, Dr. hab., has recently retired as a Professor of Comparative Literature at the University of Odessa (Ukraine). He now lives in Lübeck (Germany) and lectures at various European universities as a Visiting Professor. His publications include books on Shakespeare (*Perechityvaia Shekspira*, Odessa, 2000), Henry Fielding, Alexander Pushkin, Oscar Wilde, a monograph on the typology of the 18th century novel, and more than 400 essays, articles, reviews on various problems of theory and the history of literature and theatre.

Evgenii Soshkin, a poet and philologist, is finishing his doctorate at the Hebrew University in Jerusalem. A Mandel'shtam specialist, he has also written on Pushkin, Gogol, Tiutchev, Tolstoi, Shklovskii, and Bakhtin. Israeli poets writing in Russian and detective fiction are other interests. He is one of the editors of the journal *Solnechnoe spletenie*, the co-compiler of the collection *Imperija N. Nabokov i nasledniki* (M.: NLO, 2006; sov. s Ju. Levingom) and the author *Leto surka* (M.: Mosty kul'tury, 2011).

Nikolai Volskii is a *kandidat* in medicine, leading research associate of Institute of clinical immunology (Novosibirsk) and associate professor of special psychology of Institute of philology, mass information and psychology (Novosi-

birsk pedagogical university). Among its scientific works there are also two books from philology area: *Lingvisticheskaia antropologia. Vvedenie v nauki o cheloveke. Novosibirsk, 2004* and *Legkoe chtenie. Raboty po teorii i istorii detektivnogo zhanra. Novosibirsk, 2006.*

Zeev Bar-Sella — filolog. He has written a number of monographs, including *Razyskaniia v oblasti istoricheskoi morfologii vostochnokavkazskikh jazykov* (Mahachkala, 1974), a critical study together with Maia Kaganskaia titled *Master Gams I Margarita* — as well as articles dedicated to the creative writings of Pasternak, Brodskii, and Zabolockii. More theoretical works on textual criticism and on science fiction have also appeared.

Oleg Zaslavskii. Doctor of Sciences in Physics and Mathematics, author of more than 50 published articles with structural analysis of texts (mainly, on Russian literature). Senior Scientific Fellow of Kharkov V. N. Karazin National University.